

ЧТО НУЖНО ЗНАТЬ О?

III

Дора Штурман

В.И. ЛЕНИН



Дора Штурман

В. И. ЛЕНИН

YMCA-PRESS

11, rue de la Montagne Sainte-Geneviève

75005 PARIS

1989

ISBN 2-85065-155-9
© 1989 Ymca-Press

ПРЕДИСЛОВИЕ

Все советские лидеры, включая Сталина, подкрепляли свои шаги и решения ссылками на Ленина. При жизни Сталина самый короткий панегирик живому вождю был "Сталин — это Ленин сегодня".

С середины пятидесятых годов, с легкой руки Хрущева, Сталин начал противопоставляться Ленину, "сталинизм" — ленинизму. Правда, этот процесс заметно затормозился еще при Хрущеве.

Три последующих "вождя" с некоторой осторожностью и осмотрительностью начали исключать из официально дозволенного идеологического обихода это противопоставление. Процесс вкрадчивой реабилитации Сталина остановил Горбачев (точнее — та группировка партийных руководителей, которую он представляет). События потекли вспять. Вскоре возникла такая версия: у истоков образования СССР стоит титаническая фигура Ленина, который создал большевистскую партию, а затем вдохновил, подготовил и возглавил величайшее событие в истории человечества — победоносную Октябрьскую революцию. Развивая применительно к российским условиям учение Маркса и Энгельса, Ленин успел заложить фундамент истинного, то есть демократического и производственно продуктивного социализма.*

* Правда, некоторые политические ходы Ленина времен военного коммунизма стали осторожно и оглядливо осуждать (см. напр., В.Селюнин. "Истоки", "Новый мир", № 5, 1988; Наталья Иванова. "От врагов народа к врагам нации?", "Огонек", № 36, 1988).

Но преждевременная смерть Ленина якобы не позволила достаточно укрепить этот фундамент. Потом пришел к власти Сталин и во многих существенных отношениях глубоко искажил ленинский замысел. Преемники Сталина не сумели, а в последние десятилетия советской истории и не хотели изжить последствия сталинского правления. Это привело к деморализации общества и руководящего слоя, к падению продуктивности общественного производства, к застою, поставившему страну на грань многоаспектного кризиса, к нарушениям социалистической демократии и других ленинских принципов. Спасти положение может лишь теоретическое и практическое возвращение к этим принципам. Таково мнение не только Горбачева и его руководящих единомышленников, но и множества советских интеллигентов, имеющих репутацию свободомыслящих и честных людей. Но многие ли изучают наследие Ленина во всей его полноте?

Если эта книга поможет читателям уточнить и расширить их представления о Ленине и ленинизме, если она убедит их в необходимости самостоятельно и непредвзято ознакомиться с изданным в СССР Полным собранием сочинений Ленина и прийти, наконец, к собственным ответственным выводам, цель автора этой брошюры будет достигнута.*

* Фрагменты данного исследования были опубликованы в книге "Мертвые хватают живых. Читая Ленина, Бухарина, Троцкого". (ОПІ, Лондон, 1982).

1. У ПОСТЕЛИ УЧИТЕЛЯ

Ленин умирал долго, и для людей, его окружавших, смерть вождя не была "стопудовой вестью": они ее ждали.

Наркомздрав Семашко обмолвится вскоре, что мозг Ленина к моменту смерти и вскрытия превратился в "зеленоватую жижу". Патологоанатом расскажет о склерозированных сосудах мозга, ставших ломкими палочками почти без просветов для тока крови. Кто-то напишет о больном полушарии, сморщенном и иссохшем, размером с грецкий орех, висящем на ниточке, уходящей в здоровое полушарие мозга...

Ленин часто болеет на протяжении всего 1922 года. На дни, на недели, на месяцы он покидает свой кабинет, иногда — Москву, но не оставляет работы. Точнее — работа ни на минуту не покидает его. Все, что он пишет и диктует вплоть до осени 1922 года, создает впечатление, что работа еще представляется Ленину доминантой его бытия. Перерывы же, связанные с болезнью, он воспринимает как временные помехи, как аномальные отклонения от доминанты. Упоминания о болезненном состоянии, не дающем работать, о невозможности где-либо выступить из-за болезни, об отъездах на отдых и на лечение, препоручение своих обычных обязанностей и занятий кому-либо из окружающих повторяются из месяца в месяц: в январе, феврале, мае, июле, сентябре 1922 года. Но Ленину все-таки еще непонятно, что это уже не сменяющие друг друга болезни, после которых он каждый раз выздоравливает, а приливы и отливы того бездонного, что скоро накроет и унесет навсегда.

Состояние Ленина резко ухудшилось в декабре 1922 года. 18 декабря Пленум ЦК РКП(б) возложил на Сталина, с которым Ленин в ту пору находился уже в весьма натянутых отношениях, "персональную ответственность за соблюдение режима, установленного врачами для Ленина".*

Невероятно, но факт: с начала последней болезни Ленина главным приемом лечения становится полная информационная изоляция. А лицом, держащим в руках все его связи, оказывается Сталин — человек, наименее любимый и уважаемый большевистской элитой.

Наиболее полно все происходящее вокруг Ленина воспроизводит дневник его дежурных секретарей, стенографистки и личного библиотекаря,** начатый 21 ноября утром записью жены Сталина Н.С. Аллилуевой.***

Через четыре дня Н.С. Аллилуева пишет:

"25 ноября, утро (запись Н.С. Аллилуевой).

Владимир Ильич нездоров, в кабинете был только пять минут, диктовал по телефону три письма, на которые хотел запросить позднее ответы.

Мария Ильинична (Ульянова) сказала, чтобы его ничем не беспокоить — если сам запросит об ответах — то запросить кого следует. Приема никакого, поручений пока никаких. Есть два пакета от Сталина и Зиновьева — об них ни гу-гу, пока не будет особого распоряжения и разрешения".

* Ленин В.И., ПСС в 55 томах; т. 54, стр. 674, прим. 541. Далее все ссылки, кроме особо оговоренных случаев, по этому с.с.

** Ленин В.И., там же, т. 45, стр. 457-486.

*** Незадолго до этого Ленин защищал Н.С. Аллилуеву от исключения из партии (т. 54, стр. 83, письмо № 49). Примечание к этому письму гласит, что Н.Аллилуева была в партии восстановлена, но причины ее исключения в нем не указаны. Ленин В.И., ПСС, т. 45, стр. 459-460.

Можно предположить, что из тех же соображений ограничивается рабочая нагрузка больного. Но невозможно объяснить медицинскими соображениями следующее: почему "статьи, которые Ленин интенсивно диктует в это время для "Правды", каждый раз публикуются только по специальному разрешению Политбюро. Ленин старается обойти цензуру Политбюро при помощи редактора "Правды" Бухарина и своей сестры Марии Ульяновой, которая работала в ее редакции, но это почти никогда ему не удается".*

Ту линию блокады Ленина, которая ставит под цензуру Политбюро его обращения в партийную прессу, никак нельзя объяснить заботой о его здоровье. Коль скоро Ленин получил разрешение диктовать — чем угрожала его здоровью публикация продиктованного? Вряд ли необходимость обманывать каждый час "цензуру Политбюро" укрепляла его душевное равновесие.

Блокада связей, ведущих от Ленина в партийную прессу, могла быть только его сознательной политической нейтрализацией. И Ленин чувствует эту нейтрализацию. С 15-16 декабря (и далее) в записях секретарей начинает все отчетливее проступать настойчивая забота Ленина о секретности (от кого?) его переписки и о конспиративности (по отношению к кому?) его действий, контактов, его участия в текущих делах. Речь здесь явно идет не о стремлении перехитрить врачей:

"15 декабря, утро (запись Л.А. Фотиевой).

Звонил в 11 ч. 50 м. Спросил копии вчерашних писем. Вызвал Фотиеву на квартиру и дал написанное им письмо Троцкому, поручив Фотиевой лично переписать его на машинке и отправить, копию же сохра-

* Авторханов А., "Становление партократии". "Посев", 1973, т. 2, стр. 471.

нить в запечатанном конверте в секретном архиве. Писать ему очень трудно, оригинал велел уничтожить, однако он сохранен в секретном архиве вместе с копией.*

16 декабря, вечер (запись Л.А. Фотиевой).

Звонила Надежда Константиновна, просила от имени Владимира Ильича сообщить Сталину, что выступать на съезде Советов не будет. На вопрос, как себя чувствует Владимир Ильич, сказала, что средне, по внешности ничего, а там сказать трудно. Просила также по его поручению конспиративно позвонить Ярославскому, чтобы записывал речи Бухарина и Пятакова, а по возможности и других на пленуме по вопросу о внешней торговле**. **

Через пять дней после назначения Сталина "начальником режима" семьи Ульяновых (надзирателем лечащих Ленина медиков и посредником между ними, ЦК и окружением Ленина) Ленин начинает диктовать М.А. Володичевой свое письмо к предстоящему XII съезду.

24 декабря М.А. Володичева записывает:

"На следующий день (24 декабря) в промежутке от 6 до 8-ми Владимир Ильич опять вызывал. Предупредил о том, что продиктованное вчера (23 декабря) и сегодня (24 декабря) является а б с о л ю т н о секретным. Подчеркнул это не один раз. Потребовал все, что он диктует, хранить в особом месте под особой ответственностью и считать к а т е г о р и ч е с к и секретным"***

* Ленин В.И., ПСС, т. 45, стр. 472.

** Там же, стр. 473.

*** Там же, стр. 474.

Просьбы и предупреждения о секретности, о тайниках для копий, о конспиративности, об особой ответственности секретарей за секретность и сохранность бумаг создают впечатление, что больным владеет не только чувство отстраненности, изолированности от событий, от управления ими, но и нарастающее ощущение осажденности и опасности. Будь он так политически и тактически проницателен, как прежде, он бы, разумеется, не тратил времени на эти беспомощные просьбы и предостережения. Его кабинет, его спальня просматривались насквозь и были не менее прозрачны для наблюдателей, чем жалкие обиталища героев Орвелла. Роль зловещего "теле-скрина" играли те самые секретари, от которых он требует "в с е , ч т о он диктует, хранить в особом месте под особой ответственностью и считать к а т е г о р и ч е с к и секретным" (разбивка Володичевой).

Вот более полный рассказ Володичевой: *

"Все статьи и документы, продиктованные В.И. Лениным за период времени с декабря 1922 года (20-е числа) до начала марта 1923 года, переписывались по желанию В.И. Ленина в пяти экземплярах, из которых один он просил оставлять для него, три экземпляра — Надежде Константиновне и один — в свой секретариат (строго секретно). Экземпляр, посылаемый в "Правду", со всеми окончательными поправками и изменениями, перепечатанными начисто, просматривался В.И. Лениным, после чего он передавался Марии Ильичичне. Исправлялись также и те три копии, которые получала Надежда Константиновна. Черновики копий мною сжигались. На запечатанных сургучной печатью конвертах, в которых хранились, по его желанию, ко-

* Ленин В.И., ПСС, т. 45, стр. 591-593, примечание 207.

пии документов, он просил отмечать, что вскрыть может лишь В.И. Ленин, а после смерти его Надежда Константиновна. Слова: "а после его смерти" на конвертах я не писала"...

Какая загнанность сквозит в этом и сходных распоряжениях Ленина! Он вдруг почувствовал весь ужас перечеркнутости своих личных прав. Зная, как безгранично пренебрежение его партии личностью, ее правами и жизнью, он все же надеется спрятаться от этого пренебрежения за гриф "секретно", за сургуч на рукописи, за сестру, за жену, за своих секретарей — за свою подпись, вчера всеильную, а сегодня значущую многим больше, чем каракули сумасшедшего или ребенка.

А.Авторханов пишет: *

"В ночь с 22 на 23 декабря у Ленина второй удар — наступает паралич правой руки и ноги. Но того же 23 декабря Ленин, словно предчувствуя приближение конца, просит врачей разрешить ему продиктовать стенографистке в течение пяти минут, так как его "волнует один вопрос". Однако и ЦК, и врачи одинаково не хотели, чтобы Ленин писал. Тогда, по свидетельству сестры Ленина — М.Ульяновой, Ленин предъявил ультиматум: или ему разрешат несколько минут диктовать свой "дневник", или он бросит лечиться. Он получает разрешение и 23 декабря 1922 г. начинает диктовать свое знаменитое "Завещание" ("Письмо к съезду"). 24 декабря после совещания Сталина, Каменева и Бухарина с врачами Политбюро вынуждено подтвердить решение:

* А.Авторханов, "Становление партократии". "Посев", 1973, т. 2, стр. 17-18.

1. Ленину разрешается диктовать ежедневно 5-10 минут, но это не должно носить характер переписки, и Ленин на эти записки не должен ждать ответа. Свидания запрещаются.

2. Ни друзья, ни домашние не должны сообщать Ленину ничего из политической жизни, чтобы этим не давать материала для размышлений и волнений”.*

Поразительны оба пункта постановления Политбюро, разрешающего Ленину работать: позволив ему диктовать статьи и зная, что диктует он вещи весьма политически з л о б о д н е в н ы е , постановление это приказывает не ”сообщать Ленину ничего из политической жизни, чтобы этим не давать материала для размышлений и волнений”. Словно легче и успокоительней размышлять и писать ”о политической жизни”, ничего толком о ней не зная!.. Ему позволяют диктовать письма, но запрещают получать ответы. Нетрудно оценить ”целебность” для Ленина этого шага его попечителей. До тех пор, пока Ленин остается сравнительно работоспособным, то есть может еще диктовать, Сталин весьма серьезно занят его блокадой:

”30 января (запись Л.А. Фотиевой).

24 января Владимир Ильич вызвал Фотиеву и дал поручение запросить у Дзержинского или Сталина материалы комиссии по грузинскому вопросу и детально их изучить...

...Вчера, 29 января, Сталин звонил, что материалы без Политбюро дать не может.

Спрашивал, не говорю ли я Владимиру Ильичу чего-нибудь лишнего, откуда он в курсе текущих дел?

* Ленин В.И., ПСС, т. 45, стр 710.

Например, его статья об РКИ указывает, что ему известны некоторые обстоятельства. Ответила — не говорю и не имею никаких оснований думать, что он в курсе дел. Сегодня Владимир Ильич вызывал, чтобы узнать ответ, и сказал, что будет бороться за то, чтоб материалы дали”.*

Ленин, по-видимому, все более полно и горько осознает свое положение:

”1 февраля (запись Л.А. Фотиевой).

Сегодня вызвал Владимир Ильич (в 6 1/2 ч.). Сообщила, что Политбюро разрешило материалы получить. Дал указание, на что обратить внимание и вообще как ими пользоваться. Владимир Ильич сказал: ”Если бы я был на свободе (сначала оговорился, а потом повторил, смеясь: если бы был на свободе), то я легко бы все это сделал сам”. Предполагалось, что для изучения их понадобится недели 4”.**

В начале февраля 1923 года Ленин уже знал, что ЦК цензурирует все его статьи. Ничего существенного, несмотря на блокаду, скрыть от него его окружению не удавалось. А может быть, и не слишком скрывали? Секретари не очень умело разыгрывали верховный сценарий.

”3 февраля (запись Л.А. Фотиевой).

Владимир Ильич вызывал в 7 ч. на несколько минут. Спросил, просмотрели ли материалы. Я ответила, что только с внешней стороны и что их оказалось не так много, как мы предполагали. Спросил, был ли этот

* Ленин В.И., ПСС, т. 45, стр. 476-477.

** Там же, стр. 478.

вопрос в Политбюро. Я ответила, что не имею права об этом говорить. Спросил: "Вам запрещено говорить именно и специально об этом?" "Нет, вообще я не имею права говорить о текущих делах". "Значит, это текущее дело?" Я поняла, что сделала оплошность. Повторила, что не имею права говорить..."*

Иногда больной старался верить, что врачи и в самом деле заботятся о его здоровье. Но через несколько дней опять возникают записи, доказывающие, что у Ленина мало иллюзий на этот счет. Не назначения медиков следуют за колебаниями в его самочувствии, а колебания в самочувствии провоцируются этими назначениями.

"9 февраля (запись Л.А. Фотиевой).

Утром вызывал Владимир Ильич... Настроение и вид прекрасные. Сказал, что Ферстер** склоняется к тому, чтобы разрешить ему свидания раньше газет. На мое замечание, что это с врачебной точки зрения, кажется, действительно было бы лучше, он задумался и очень серьезно ответил, что, по его мнению, именно с врачебной точки зрения это было бы хуже, т.к. печатный материал прочел и кончено, а свидание вызывает обмен".***

Два дня после этого Ленин напряженно работает, диктует, перечитывает, исправляет с помощью секретарей статьи, запрашивает по спискам книги, и вдруг:

* Ленин В.И., ПСС, т.45, стр.478-479.

** Врач из Германии, специально приглашенный для лечения Ленина.

*** Ленин. В.И., ПСС, т. 45, стр. 484.

”12 февраля (запись Л.А. Фотиевой).

Владимиру Ильичу хуже. Сильная головная боль. Вызвал меня на несколько минут. По словам Марии Ильиничны, его расстроили врачи до такой степени, что у него дрожали губы. Ферстер накануне сказал, что ему категорически запрещены газеты, свидания и политическая информация. На вопрос, что он понимает под последним, Ферстер ответил: ”Ну, вот, например, Вас интересует вопрос о переписи советских служащих”. По-видимому, эта осведомленность врачей расстроила Владимира Ильича. По-видимому, кроме того, у Владимира Ильича создалось впечатление, что не врачи дают указания Центральному Комитету, а Центральный Комитет дал инструкции врачам.

14 февраля (запись Л.А. Фотиевой).

Владимир Ильич вызвал меня в первом часу. Голова не болит. Сказал, что он совершенно здоров. Что болезнь его нервная и такова, что иногда он совершенно бывает здоров, то есть голова совершенно ясна, иногда же ему бывает хуже. Поэтому с его поручениями мы должны торопиться, так как он хочет непременно провести кое-что к съезду и надеется, что сможет. Если же мы затянем и тем загубим дело, то он будет очень и очень недоволен”.*

Судя по записям секретарей, нет существенной разницы между состоянием Ленина 9-го февраля, когда ему обещали вот-вот разрешить свидания, а потом газеты (он, естественно, хотел газеты, потому что свидания разворачивались бы по все тому же сталинскому сценарию), и 11-м февраля, когда ему вдруг категорически запретили все: и газеты, и свидания,

* Ленин В.И., ПСС, т. 45, стр. 485.

и политическую информацию. С 14 февраля по 5 марта записей нет, а 5 и 6 марта следуют две заключительные записи:

”1 марта (запись М.А. Володичевой).

Владимир Ильич вызывал около 12-ти. Просил записать два письма: одно Троцкому, другое – Сталину; передать первое лично по телефону Троцкому и сообщить ему ответ как можно скорее. Второе пока просил отложить, сказав, что сегодня у него что-то плохо выходит. Чувствовал себя нехорошо.

6 марта (запись М.А. Володичевой).

Спросил об ответе на первое письмо (ответ по телефону застенографирован). Прочитал второе (Сталину) и просил передать лично и из рук в руки получить ответ. Продиктовал письмо группе Мдивани. Чувствовал себя плохо. Надежда Константиновна просила этого письма Сталину не посылать, что и было сделано в течение 6-го. Но 7-го я сказала, что я должна исполнить распоряжение Владимира Ильича. Она переговорила с Каменевым, и письмо было передано Сталину и Каменеву, а затем и Зиновьеву, когда он вернулся из Питера. Ответ от Сталина был получен тотчас же после получения им письма Владимира Ильича (письмо было передано мной лично Сталину и мне был продиктован его ответ Владимиру Ильичу). Письмо Владимиру Ильичу еще не передано, т.к. он заболел.”*

Вот эти письма и примечания к ним: **

* Ленин В.И., ПСС, т. 45, стр. 486.

** Там же, т. 54, стр. 329.

”1923 г.

Строго секретно

Лично

Уважаемый тов. Троцкий!

Я просил бы Вас очень взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это сейчас находится под ”преследованием” Сталина и Дзержинского,* и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив. Если бы Вы согласились взять на себя его защиту, то я бы мог быть спокойным. Если Вы почему-нибудь не согласитесь, то верните мне все дело. Я буду считать это признаком Вашего несогласия.

С наилучшим товарищеским приветом Ленин.

5 марта 1923 г.”

Это письмо было в тот же день прочитано Л.Д. Троцкому по телефону помощником секретаря СТО и СНК М.А. Володичевой. Троцкий, ссылаясь на болезнь, ответил, что он не может взять на себя такого обязательства.

Письмо Сталину:

”Строго секретно

Лично

Копия гг. Каменеву и Зиновьеву

Уважаемый г. Сталин!

Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделан-

* О ”грузинском деле” см. ниже.

ным и против' меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения.

С уважением Ленин”.

Ленин имеет в виду следующий факт. После того как он с разрешения врачей 21 декабря 1922 года продиктовал письмо Троцкому по вопросу о монополии внешней торговли, Сталин, на которого решением пленума ЦК от 18 декабря была возложена персональная ответственность за соблюдение режима, установленного врачами для Ленина, обругал Крупскую и угрожал ей Контрольной комиссией за то, что она записала под диктовку названное выше письмо. В связи с этим Крупская 23 декабря 1922 года направила Каменеву следующее письмо: ”Лев Борисович, по поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Влад. Ильича с разрешения врачей, Сталин позволил себе вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше всякого врача, так как знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина”. Крупская просила оградить ее от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз.

”В единогласном решении Контрольной комиссии, — писала далее Крупская, — которой позволяет себе грозить Сталин, я не сомневаюсь, но у меня нет ни сил, ни времени, которые я могла бы тратить на эту глупую склоку. Я тоже живая, и нервы напряжены у меня до крайности. Н. Крупская”.

Сталин, как писала позднее М.И. Ульянова в своем письме президиуму июльского (1926 год) Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП (б), на котором одним из лидеров ”но-

вой оппозиции” Г.Е. Зиновьевым был поднят этот вопрос, извинился.*

Сталинского извинения никто нигде не цитировал и не публиковал. Крупская никогда о нем не свидетельствовала. Характерно, что, не выдержавши обиды и пожаловавшись мужу на Сталина, она потом боится отправки письма, пытается предотвратить ее: муж умирал — она оставалась жить...

После 6 марта 1923 года Ленину становилось то хуже, то несколько лучше, но работоспособность и речь к нему не вернулись, подвижность руки и ноги восстановилась не полностью. В середине января 1924 года, после XIII партконференции, Сталин вдруг снял ”информационный карантин” вокруг Ленина.

Многие источники свидетельствуют: с каждым днем болезни непривычная для Ленина горечь б е с с и л и я все явственней обретала привкус б е с п р а в и я .

В его последних, уже в тяжелые дни продиктованных секретарям работах есть беспомощные попытки как-то поставить ЦК под контроль рабочих. По-видимому, он хочет хоть чем-то нейтрализовать поднимающуюся помимо него и без него олигархию... Естественно, что это ему не удастся.

Приходило ли в голову умирающему Ленину, что в эти последние недели и дни он сделался жертвой им же и созданной ситуации? Когда-то он собственноручно поставил Сталина между собой и своей ”внутренней партией”, полагая, что по крайней мере до конца его жизни Сталин на большее не позарится. Какое-то время он относился к Сталину чуть ли не с нежностью.**

* Ленин В.И., ПСС, т. 54, стр. 329-330.

** Н.К. Крупская в воспоминаниях отмечала, что Ленину были свойственны периоды политической, а значит, и личной ”влюбленности” в своих партнеров, причем всегда кратковременные.

”Удивлен, что вы отрываете Сталина от отдыха. Сталину надо бы еще отдохнуть не меньше 4 или 6 недель. Возьмите письменное заключение хороших врачей”.

”Первое: прошу сообщить, как здоровье Сталина, и заключение врачей об этом...”

”Сообщите фамилию и адрес доктора, лечащего Сталина, и на сколько дней отрывали Сталина...”

”...т.Беленький! У Сталина такая квартира в Кремле, что не дают ему спать (кухня — слышно с раннего утра).

Говорят, Вы взялись перевести его в с п о к о й - н у ю квартиру. Прошу Вас сделать это поскорее и написать мне, м о ж е т е ли это сделать и к о г д а ”.

”Нельзя ли ускорить освобождение квартиры, намеченной Сталину? Очень прошу Вас сделать это и п о з в о н и т ь м н е...”

”Напомните мне завтра, я должен видиться со Сталиным и п е р е д э т и м по телефону соедините меня с О б у х о м (доктором) о Сталине...”

Вот несколько характерных отрывков из телеграмм и писем Ленина ноября 1921 года.*

На X-м (1921 г.) и на XI-м (1922 г.) съездах РКП(б) (последних для себя съездах) Ленин отводит от Сталина обвинение в том, что тот, как вскоре скажет сам Ленин, ”сосредоточил в своих руках необъятную власть”:

”Вот Преображенский здесь легко бросал, что Сталин в двух комиссариатах. А кто не грешен из нас? Кто не брал нескольких обязанностей сразу? Да и как

* Ленин В.И., Соч., изд IV, т 35, стр. 452, 453, 454, 455 и др. В ПСС нам удалось отыскать лишь одно из этих настойчивых писем (т. 54, стр. 44).

можно делать иначе? Что мы можем сейчас сделать, чтобы было обеспечено существующее положение в Наркомнаце, чтобы разбираться со всеми туркестанскими, кавказскими и прочими вопросами? Ведь это все политические вопросы! А разрешать эти вопросы необходимо, это — вопросы, которые сотни лет занимали европейские государства, которые в ничтожной доле разрешены в демократических республиках. Мы их разрешаем, и нам нужно, чтобы у нас был человек, к которому любой из представителей наций мог бы пойти и подробно рассказать, в чем дело. Где его разыскать? Я думаю, и Преображенский не мог бы назвать другой кандидатуры, кроме товарища Сталина.

То же относительно Рабкрина. Дело гигантское. Но для того, чтобы уметь обращаться с проверкой, нужно, чтобы во главе стоял человек с авторитетом, иначе мы погрязнем, потонем в мелких интригах”.*

Привязанность Ленина к Сталину, сменившаяся отчетливой антипатией лишь в конце 1922 года, восходит к 1900 годам, когда Сталин руководил знаменитыми ”эксами” (попросту ограблениями), пополнявшими большевистскую партийную кассу. ”Эксы”, не обходившиеся подчас и без человеческих жертв, были запрещены двумя съездами еще единой РСДРП и нуждались для своего исполнения в руководителе, готовом на все, кроме, может быть, излишнего личного риска, для которого в распоряжении Сталина имелись Камо и другие отчаянные исполнители. Оперативность и моральная неразборчивость Сталина в осуществлении ”экссов” и привлекли к нему в те годы Ленина.

* Ленин В.И., ПСС, т. 45, стр. 122.

Властители, нуждающиеся в помощниках, готовы на все, всегда впадают в одну и ту же губительную для них ошибку: они упускают из виду, что человек, способный на все по приказу своего патрона, способен на все также и против своего патрона, если почувствует, что хватка того ослабла.

А право распоряжаться лечением, отдыхом, режимом, связями заболевших цекистов сделал прерогативой ЦК сам Ленин...*

”т. Молотову (для членов Политбюро)

Я сейчас получил 2 письма от Чичерина (от 20 и 22). Он ставит вопрос о том, не следует ли за приличную компенсацию согласиться на маленькие изменения нашей Конституции, именно представительство паразитических элементов в Советах. Сделать это в угоду американцам.

Это предположение Чичерина показывает, по-моему, что его надо... немедленно отправить в санаторий, всякое попустительство в этом отношении, допущение отсрочки и т.п. будет, по моему мнению, величайшей угрозой для всех переговоров...”

или:

”...т. Молотову для всех членов Политбюро:

Это и следующее письмо Чичерина явно доказывают, что он болен и сильно. Мы будем дураками, если тотчас и насильно не сошлем его в санаторий”.

В другом письме на имя того же Молотова (для Оргбюро и Политбюро ЦК) от 12.1.1922 г. Ленин предлагает:

* Ленин В.И., ПСС, т. 54, стр. 110, 111, 118, 127, 128, 136, 137 и др.

”1. Назначить по соглашению с Наркомздравом одного или двух врачей, чтобы периодически осматривать Сокольникова, Цюрупу и других, вернувшихся с лечения товарищей, поручив им письменно давать заключение о необходимом режиме. Ответственность возложить на этого врача лично. Обязать его давать коротенькую рапортчку в Секретариат ЦК или, если на это согласен Секретариат ЦК, то в Секретариат СНК.

2. Возложить на какое-либо определенное лицо ответственность за наблюдение за исполнением режима Сокольниковым...”

Кстати, письма Чичерина не заключали в себе ни малейших следов психической или умственной аномалии и нервного срыва и не устраивали Ленина исключительно только демократичностью занимаемой тем позиции. Но и последний, вполне благожелательный документ (о Цюрупе и Сокольникове) в качестве прецедента не так уж и безопасен, в особенности строки насчет режима. Да и вообще такая постановка вопроса в целом оказалась небезобидна — как доказала судьба самого Ленина.

Мне возразят, что Ленин выдает подобные рекомендации полушутя. Что с того? Он и в следующих своих советах не слишком серьезен:

”т. Каменев!

Почему это задержалось?

Ведь решено было чуть ли не 1 1/2 месяца тому назад?

Лежаве я дал тогда срока — 2-3 дня!

Христа ради, посадите Вы за волокиту в тюрьму кого-либо! Ей-ей, без этого ни черта толку не будет.

Ваш Ленин”.*

(Написано в феврале, не ранее 11, 1922 г.)

* Ленин В.И., ПСС, т. 54, стр. 160-161.

Или:

”19.1.1922

Л.Б. Красину

т. Красин!

Насчет Ларина к решению Политбюро от 17.1.

1. Держите его в Лондоне как можно дольше.
2. Если поверите хоть одной его цифре, прогоним со службы.
3. Берегите его здоровье. Лечите лучше, назначьте ответственного врача.
4. Займите его длительной литературной работой по немецким и английским материалам (если не знает, выучите английский язык).

Пункты 1, 3, и 4 провести особо строго и особотактично. Пункт 2 – тройне строго.

С ком. приветом Ленин”.*

Когда я пытаюсь себе объяснить, почему чекисты состава 1922-23 годов так легко и охотно сделали Сталина ”начальником режима” больного Ленина, я нахожу этому только одно объяснение: в глубине души, затаенно, молча и дружно они не любили не только Сталина, но и Ленина. И оказались к нему во время его болезни совершенно безжалостными. Они не могли не знать, что опека Сталина Ленину особенно неприятна. Скрытая антипатия к Ленину могла объясняться так. Как правило, люди не прощают тем, за кем они почему-либо идут, пренебрежения их достоинством, тщеславию, честолюбию, гордостью. А Ленин в других этих чувств не щадил. Он был непревзойденным мастером завоевания власти партией, в которой отводил себе первое место. И отводил по праву: он, действительно, почти всегда знал лучше других в сво-

* Ленин В.И., ПСС, т. 54, стр. 127-128. (Разрядка Ленина.)

ем окружении, что следует делать, чтобы его партия захватила и удержала необъятную власть. Его изначальное партийное кредо: "твердая рука" и единовластие, и, конечно же, его, а не чьи-то. Приятно ли быть всегда под "твердой рукой" и признавать над собой единовластие ее обладателя, даже в интересах победы всей "пирамиды"?

Авторитарность Ленин проявлял смолоду. И церемониться не любил. Но позднее — из тактических соображений — он научился собой владеть и не всегда выражать свое раздражение однозначно. И все же высокомерие, властность, безапелляционность — хотя и повлекли за ним только тех, кто признал его твердую волю как гарантию будущей общей власти, — эти личные качества никак не могли внушить ведомым, помимо профессионального уважения, еще и любовь к ведущему. Их самолюбие не могло постоянно не уязвляться и таким ленинским неизменным свойством, как несклонность мерить других и себя единой мерой.

Для других фракционность — смертный грех, а себя он не разрешает "запугивать глупеньким словечком фракционность". Для других требование отставки — это "мелкобуржуазная истерика" и пренебрежение партийным долгом, он же, идя один чуть ли не против всего ЦК, умело и своевременно шантажирует тех, кого следует, угрозой отставки. Для других антицекистская пропаганда в партийных массах — это измена общему делу. Он же оставляет за собой право в случае непринятия очередного его ультиматума, предъявленного им Центральному Комитету, выйти из всех руководящих органов партии и продолжить борьбу за свою программу в партийных массах.

Когда же на XI съезде РКП (б) заикаются о том же лидеры РОПП, он гневно предупреждает их: "...если партия вам позволит!" И несколько раз бросает угрожающие реплики о винтовках и пулеметах, которые будут противопоставлены тем, кто, игнорируя волю ЦК и съезда, обратится к "низам партии". Таких примеров бесчисленное множество.

Его приближенные знали его характер, его манеру руководить, его повседневную деловую этику куда лучше, чем те, для кого они же сфабриковали его расхожий иконно-плакатный образ. В 11 томе Сочинений Сталина, в статье "Группа Бухарина и правый уклон в нашей партии", помещен следующий занимательный диалог:

"Сталин: ...Говорят, что Ленин наверняка поступил бы мягче, чем поступает теперь ЦК в отношении Томского и Бухарина. Это совершенно неверно. ...Как поступал Ленин в таких случаях, — припомните-ка. Разве не помните, что товарищ Ленин из-за одной маленькой ошибки со стороны Томского угнал его в Туркестан.

Томский: При благосклонном содействии Зиновьева и отчасти твоим.

Сталин: Если ты хочешь сказать, что Ленина можно было убедить в чем-нибудь, в чем он сам не был убежден, то это может вызвать лишь смех..."

Они еще и "на ты", и спорят на равных, но против этого замечания Сталина никто не возражает.

А это — адресованная Осинскому ядовитая реплика Зиновьева на XII съезде РКП (б):

"Т. Осинский говорил, что позволено Ленину, то не позволено кому-нибудь другому. Само собой разумеется, Осинский сказал, когда Ленин сечет, это еще куда ни шло. Вполне разделяю его вкусы: уж сечься, так сечься у мастера..."

И в реплике Сталина, и в издевочке Зиновьева — не слишком-то много любви к Ленину — к человеку, которого ни в чем нельзя было убедить, к виртуозу публичной словесной порки.

Ленина они боялись, уважали, но сердечного тепла к нему никто не испытывал.

2. ПОЙДИ ТУДА – НЕ ЗНАЮ КУДА; ПРИНЕСИ ТО – НЕ ЗНАЮ ЧТО

Последний год деятельности Ленина был тягчайшим для него годом не только из-за определившейся к концу этого года (и ранее Ленину незнакомой) личной зависимости его от людей, которых он привык держать в подчинении. И его приближенные не только ради психологического реванша так легко лишили его своей поддержки. Они и раньше чувствовали и его высокомерие, и его властность, и его сухость, и его непостоянство как товарища – зависимость его личного отношения к людям только от их отношения к его политике, но шли за ним. Троцкий еще в 1900-х годах оценивал его и его тактику более прозорливо и резко, чем Мартов, но тем не менее летом 1917-го года пошел за ним. "Надличностьная", так сказать, основа общего предательства ими Ленина в 1922-1923 гг. состояла еще и в том, что Ленин утратил в их глазах ценность как незаменимый ранее (в 1917-1921 гг.) генератор решений их общих задач. Они, вероятно, относили это только за счет его физического угасания (так же, как и он, все свои административные неудачи относил только за счет неумелости исполнителей, за счет нежелания или неспособности партийно-советских и всех прочих руководителей учиться у "капиталистов"). Однако и он, и они ошибались.

Ведя свою партию к власти, Ленин так хорошо умел р а з р у ш а т ь , т.е. провоцировать и обеспечивать разрушение, что ни он сам, ни его сторонники не сомневались в его столь же уникальном умении с т р о и т ь .

Но после более или менее полной политической победы, когда на Ленина всей тяжестью навалились завоеванные им для себя и партии полномочия, оказалось, что странные свойства химеры, которую он создал, застали его врасплох. Ни Маркс, ни Энгельс, ни его собственное воображение не помогли ему использовать эту поистине небывалую в истории государства российской власть для воплощения в жизнь владеющей им доктрины. Утопии неосуществимы по определению. Но ни Ленин, ни его окружение не понимают, а главное — не хотят понимать, что их сознанием владеет утопия.

С одной стороны, Ленин чувствует, что секрет успешного управления связан с необходимостью обозревать, направлять и вовремя корректировать в с е движения управляемого объекта. Он уверен, что этот секрет постижим. Привычный радикализм мышления, привычный однолинейный детерминизм марксистской социальной логики Ленина — не позволяют ему рассуждать иначе.

Он не хочет отказаться от веры, что в п р и н ц и п е организационное решение надвинувшихся на него новых задач возможно. С другой стороны, он не может этого решения найти. Он физически задыхается от мизерности, от непоправимого запаздывания, от ненадежности доступных ему крох понимания происходящего. Он не знает, как извлечь необходимые ему сведения из необозримого лабиринта интересов, отношений и дел, которыми он взялся командовать. А лабиринт еще и непрерывно "дрейфует" во всех своих бесчисленных частностях. И сопротивляется тому, что Ленин считает разумным и необходимым.

Осаждаемый незнакомыми раньше задачами и упорно пытаясь решать их привычными радикальными мерами, Ленин уподобляется человеку, плывущему против течения в густом и тяжелом грязевом потоке. Блестящий самосохранительный вираж НЭПа, который спас партию, ослабил напряжение ненадолго, потому что и новая экономика должна была, по лег-

ко текстологически доказуемому замыслу Ленина, быть полностью регулируемой и управляемой. Задачей стало не меньше, а больше, ибо возникла необходимость совмещения несовместимого: существенной свободы торговли и предпринимательства (прежде всего – крестьянского) и полновластия партии. Инстинктивно нащупав главный момент задачи (всегда знать все о происходящем в системе и своевременно, а главное – эффективно на это все реагировать), он не понимает, что этот момент и делает задачу невыполнимой. Ленин упрямо требует от госаппаратов сведений, сведений и сведений, которых ему никакие учреждения с нужной полнотой, оперативностью и достоверностью дать не могут.

Например, кроме ежемесячного "числа-показателя", рассчитанного на основании нескольких главных (?) данных и призванного охарактеризовать хозяйственное и организационное состояние огромной, взбаламученной непрерывной семилетней войной страны, от ЦСУ требуются также:

1. Ежемесячные сводки о распределении продовольствия государством.
2. Ежемесячные сводки о предприятиях, переводимых на коллективное снабжение.
3. ...Определение количества произведенных продуктов, притом самых важных.
4. Производство, распределение, потребление топлива. Абсолютно необходимо ежемесячно в итогах...
5. Ежемесячные сводки о товарообмене...
6. ...Если не ежемесячно, то раз в 2-3 месяца абсолютно необходимы сводки хотя бы для начала о "наличных штатах" в сравнении с довоенными или с штатами других ведомств, других губерний.
7. Выборка, для небольшого числа типичных пред-

приятый (фабрик, совхозов) и учреждений а) наилучших — образцовых, б) средних и в) наихудших...”*

Прочитанное далеко не исчерпывает ленинских ежемесячных требований, предъявляемых ЦСУ.

Разумеется, рассчитать чудодейственный ”число-показатель” никаким инстанциям не удастся. И никакой ежемесячный ”балл поведения” (оценка состояния всего и вся), выработанный ЦСУ или Госпланом и положенный на стол Ленина, не вооружил бы его отчетливым представлением обо всем а с е процессах, стоящих за этим баллом. А для того, чтобы регулировать эти процессы с той степенью верховного произвола, которого жаждал Ленин, надо было знать обо всем в с е , знать своевременно и реагировать эффективно.

Мог ли Ленин хотя бы подозревать, что встретится с таким затруднением? Несомненно. Работы ”ученейшего дурачка” Спенсера (Ленин), широко обсуждавшиеся в России еще с 50-х годов прошлого века, убедительно предсказывали затруднения победившего социализма. ”Ренегат” и ”оппортунист” Э.Бернштейн, ”парламентский кретин” Каутский, ”Иуда” Струве (кличка, под которой иногда фигурирует П.Б. Струве в конспиративной переписке Ленина) и другие современники Ленина опередили многие фундаментальные выводы современной науки об управлении, предсказывая все эти неустранимые затруднения, предопределенные отсутствием частной собственности и свободного конкурентного рынка. Многие интеллектуально ответственные и нравственно к себе требовательные российские интеллигенты, увлекшиеся мнимым рационализмом и мнимым гуманизмом марксизма непредвзято исследовали и отвергли его еще в начале века (тот же П.Струве, Н.Бердяев, С.Булгаков и др.).

* Ленин В.И., ПСС, т. 53, стр. 150-152.

Ленин обвинял их в продажности, в тупоумии, в непонимании Маркса и отмахивался от их корректных и доказательных соображений, как от назойливых оводов. Теперь ему очень трудно, — тем более, что одновременно с попытками наладить хоть мало-мальски удовлетворительную отчетность он санкционирует составление всеобъемлющего и долгосрочного плана дальнейшей хозяйственной деятельности советской власти.

”Конечно, ”планы” вещь такая, по самой ее сути, что говорить и спорить можно бесконечно. Но не нужно допускать общих разглагольствований и споров о ”принципах” (построения плана), когда надо взяться за изучение данного, единственно научного плана и за исправление его на основании указаний п р а к т и ч е с к о г о опыта и на основании более детального изучения. Конечно, право ”утверждать” и ”не утверждать” всегда остается за сановником и сановниками. Если понимать разумно это право и толковать разумно решения VIII съезда насчет утверждения одобренного им и преподанного к самой широкой пропаганде плана, то под утверждением надо понимать ряд заказов и приказов: то-то, тогда-то и там-то купить, то-то начать строить, такие-то материалы собрать и подвезти и т.п. Если же толковать по-бюрократически, тогда ”утверждение” означает самодурство сановников, бумажную волокиту, игру в проверяющие комиссии, одним словом, чисто чиновничье убийство живого дела”. *

Но поди угадай: в какой точке ”сановнику” следует остановиться и стать исполнителем воли специалистов? И когда прекращать споры о планах? И что означает ”понимать разум-

* Ленин В.И., ПСС, т. 42, стр. 344.

но”, если ”право утверждать” и ”не утверждать” всегда остается ”все-таки” за ”сановниками”? Что конкретно стоит за формулой ”единственно научный план”? Из какого числа предложенных вариантов он выбран? На основании чьих и каких критериев он должен быть создан? Кем и как вырабатываются такие критерии? Не трудно заметить, что ответов на эти вопросы у продолжателей дела Ленина нет до сих пор, ибо ответы находятся вне приемлемого для него и для них круга идей.

Чтобы хоть как-то проиллюстрировать масштабы задач, возникающих перед государственной властью, уничтожившей свободный рынок, повторю свидетельство современного советского экономиста: ”...Специалисты нашего института однажды проделали любопытный расчет. Они высчитали количество операций, которые необходимо было бы произвести, чтобы составить... детализированный оптимальный план для двух тысяч объектов. Оказалось, что он потребовал бы от лучшей советской машины БЭСМ-6 — не мало-не много — тридцати тысяч лет непрерывной работы”.*

...Мудрено ли, что в гневе, граничащем с отчаянием, Ленин, намеренный было обеспечить ”прозрачную ясность” (К.Маркс) новых экономических отношений с помощью ”четырёх действий арифметики” (”Государство и революция”), теперь пишет:

”...Не тот подход к теме. Вредный подход. Тошнит всех от общих фраз. Они плодят бюрократизм и поощряют его”.

”...Бюрократизм потому нас и душит, что мы все еще играем в ”директивы в декретном порядке”.**

* Федоренко Н.П., ”Научно-техническая революция и управление”. Новый мир, 1970, № 10.

** Ленин В.И., ПСС, т. 45, стр. 45.

или: "...такая печальная штука эти декреты — которые подписываются, а потом нами самими забываются и нами самими не исполняются".*

Итак, виноват в неспособности новой власти предопределить в се движения гигантской машины бюрократизм. Между тем и сам Ленин, будучи не в силах придумать ничего, кроме "беспомощных общих фраз" и "печальных декретов", энергичнейше насаждает бюрократизм:

"Руководителям центральных советских учреждений.

Уважаемые товарищи!

Раз и навсегда необходимо положить конец безобразию волокиты и канцелярщины в вашем учреждении. Важные и срочные дела, направляемые к вам приемной СНК в видах разрешения многочисленных жалоб, заявлений на имя СНК и его Председателя, сплошь и рядом остаются без ответа и исполнения.

Предлагаю немедленно подтянуться. Машина советской администрации должна работать аккуратно, четко, быстро. От ее расхлябанности не только страдают интересы частных лиц, но и все дело управления принимает характер мнимый, призрачный..."**

Последняя фраза великолепна в своей достоверности. Стилистически несовместимая с остальным текстом письма (одного из классических образцов бюрократического пустословия), она отлично передает настроение Ленина.

В апреле 1922 года Ленин уходит в отпуск по болезни. Как всегда в таких случаях, он пытается расписать наперед каждый шаг своих заместителей.

* Ленин В.И., ПСС, т. 42, стр. 205-206.

** Ленин В.И., ПСС, т. 54, стр. 101.

С удивительной непоследовательностью он поручает им выполнить (в свое отсутствие) все те дела, которых они не выполняли при нем, вместе с ним. Отрывок, который приведен ниже, как нельзя более характерен для ленинских директивных писем последних месяцев его деятельности. Их автор словно спешит взвалить на плечи остающихся у руля все то, чего не в состоянии сделать сам.

”1. Основная работа замов, за которую они специально отвечают и которой должно быть подчинено все остальное, состоит в проверке фактического исполнения декретов, законов и постановлений: в сокращении штатов совучреждений, в надзоре за упорядочением и упрощением делопроизводства в них: в борьбе с бюрократизмом и волокитой.

Все дальнейшее является детализацией этого основного задания или частным дополнением к нему...”

На замов возлагается:

”2. Наблюдение за тем, чтобы рассмотрение советских вопросов в других учреждениях, как советских так и партийных (Президиум ВЦИКа, Полит- и Оргбюро Цека РКП — и т.д. без всякого изъятия), происходило не иначе как с ведома и участия замов.

3. Разгрузка СНК и СТО в максимальной степени от мелочных вопросов, разрешение которых должно происходить частью (и преимущественно) в порядке ведомственного управления, частью (именно в не терпящих отлагательства и исключительно важных случаях) непосредственными распоряжениями замов”...

”15. Необходимо наблюсти — хотя бы для начала в очень немногих учреждениях — за перерасмещением коммунистов внутри совучреждений, стремясь к тому,

чтобы коммунисты занимали исключительно такие должности (как в самом верху, так и в самом низу иерархической лестницы), которые позволяют им действительно проверять ход работы, действительно бороться с бюрократизмом и волокитой...”*

Учем, что при этом ”ведении т. Цюрупы подлежат: ЦКЗем, НКПС, ВСНХ, НКПочтель, НКЮст, НКВД, НКНац, НКПрос, а ведению т. Рыкова подлежат НКФ, НКВТ, Комиссия по внутренней торговле, Центросоюз, НКТруд (и ВЦСПС в части), НКСобез, НКПрод, НКВоен, НКИДел, НКЗдрав, ЦСУ, Областные экосо, Концессионный комитет, Госплан”.**

Здесь приведены лишь небольшие отрывки только из пяти пунктов ленинской директивы ”замам”, содержащей т р и д ц а т ь о д и н пункт. Попробовав отделить только наиболее конкретные поручения, возложенные непосредственно на Цюрупу и Рыкова, и прикинув, сколько примерно времени требуется для их выполнения, мы получим цифру порядка 48 часов в сутки н а к а ж д о г о . Сообщая об этом, чтобы проиллюстрировать реализм административного мышления Ленина 1922-го года. Недаром ленинскую директиву ”замам” откровенно высмеял Троцкий в своих замечаниях по ее поводу (см. комментарии и примечания к ”Постановлению о работе замов” в III издании сочинений Ленина; в более поздних изданиях отклика Троцкого на этот ленинский документ, разумеется, уже нет).

Среди трех десятков пунктов ленинского ”постановления” есть только один технологически реальный пункт (весьма характерный для ленинских методов руководства):

* Ленин В.И., ПСС, т. 45, стр 156-159.

** Там же.

”24. Замы должны стараться применять чаще, чем прежде, наложение административного взыскания своей властью (ускорить законопроект на эту тему, подготовленный тов. Цюрупой) за бюрократизм, волокиту, неисполнительность, неаккуратность и т.д. В случаях вины более значительной необходимо отстранение от должности, предание суду, постановка через НКЮст демонстративных, ярких процессов”.

Время от времени Ленин сосредотачивает все свои надежды на Наркомате рабоче-крестьянской инспекции (РКИ, Рабкрин).

Почему ему кажется, что РКИ справится с тем, с чем не справляется ни одна другая инстанция, непонятно.

Задачи, возлагаемые им на Рабкрин, так же невыполнимы, как требования, предъявляемые Лениным ЦСУ и Госплану. Рабкрин должен ”не столько ”ловить”, ”изобличать” (это задача суда, с которым Рабкрин соприкасается близко, но отнюдь не тождественен), — сколько у м е т ь п о п р а в и т ь (разрядка Ленина). Умелое исправление вовремя — вот главная задача Рабкринина”. Для выполнения этой задачи Рабкрин должен изучить ведение дела в каждом советском ”учреждении, предприятии, отделе и т. под.”, поставить образцово отчетность в них, выработать ”примеры постановки отчетности, приемы кары за недочеты, приемы ”ловли” за обман, приемы проверки исполнения”. Кроме списков ”учреждений, ведомств, губерний, п о с т а в и в ш и х (разрядка Ленина) сносную отчетность”, надо иметь ”календарную таблицу, п о к а з ы в а ю щ у ю х о д (разрядка Ленина) ... войны, успехи и поражения наши в этой войне... за расширение области применения хорошего образца”, и так далее в том же роде.*

* Ленин В.И., ПСС, т. 44, стр. 127-132.

Если читатель думает, что рабоче-крестьянская инспекция была при Ленине, действительно, низовой, народной контролирующей инстанцией, он заблуждается. Вот что Ленин пишет об аппарате Рабкрина:

”...При нашей отчаянной ”ведомственности” даже среди лучших коммунистов, при низком уровне служащих, при интриганстве внутриведомственном (хуже всякого рабкриновского) нельзя обойтись без Рабкрина сейчас. Над ним можно и должно поработать систематично и упорно, чтобы сделать из него аппарат проверки и улучшения всей госработы. Иначе никакого практического средства проверять, улучшать, учить работе нет. Если сейчас в Рабкрине около 12000 человек аппарата, плохого и плохо оплачиваемого, то следует сократить и улучшить его; например, оставить $\frac{1}{6}$ долю при $\frac{1}{2}$ прежнего содержания, т.е. повысив содержание втрое: выделить сначала десятки, потом сотни наилучших, безусловно честных и умелых работников, кои имеются и сейчас, но не подсчитаны, не выделены, не сгруппированы, не организованы. Это можно и должно сделать. Иначе бороться с ведомственностью и бюрократизмом нельзя”.*

Итак, иначе, как раздувая огромные ведомства со штатами в несколько тысяч чиновников, ”бороться с ведомственностью и бюрократизмом нельзя”.

* Ленин В.И., ПСС, т. 45, стр. 180-181.

3. ПОСТУПЬ УТОПИИ

Мы ничего не поймем в состоянии Ленина 1921-1923 годов, если не возвратимся назад — к тем временам, когда он ковал и торжествовал свою победу в России, предвкушая мировую победу с в о е й революции.

Весной 1917 года на плечи российских либералов гигантской лавиной обрушилась власть.

Главным проклятием России в глазах революционеров было самодержавие — его не стало. У власти оказалась интеллигенция во всем ее спектре — от либеральной до социалистической.

Но Ленин не хотел делить власти ни с кем. Он хотел одного: победы большевиков и воплощения в жизнь коммунистической социальной утопии. Изначально в расчетах Ленина (Маркса) были и партия-орден, способная в нужный момент стать чрезвычайной властью, и кровавый голодный хаос многолетних войн, и крушения правительств воюющих стран, финалом чего должна была стать мировая пролетарская революция. Вот исходное преимущество Ленина перед "временными": они просто с у щ е с т в о в а л и — в силу того, что их создали обстоятельства, — он же всегда действовал целеустремленно.

С того момента, как к государственному кормилу пришли политики Временного правительства, он жил, чтобы свергнуть их и обрести всю полноту власти для своей партии, единственным надежным мозгом которой был, по его органическому ощущению, его мозг. Он, с полными к тому основаниями, надеялся, что вскоре им будет включена в нестабильную

российскую революционную ситуацию мощная пропагандистская и заговорщицкая организация.

Правда, эта организация подраспустилась без него на послефевральском приволье. Но зато с ним оставались четкие принципы ее предстоящего функционирования и ясность ее ближайших задач. Когда целеустремленность состязается с нецеленаправленным существованием, исход состязания бывает чаще всего предрешен. Кроме того, у Ленина были лозунги — броские, упрощенные до пределов, доступные каждому, воздействующие более на чувства, на личные и массовые инстинкты, чем на разум. И еще (последнее однозначно подтверждено множеством обнародованных германских правительственных документов и достоверными зарубежными публикациями, в том числе — и на русском языке) у него были деньги, которых не было в таких количествах ни у одной политической группировки в России. Немецкие деньги, но какая ему, коммунисту-космополиту, разница? Он был уверен, что в конечном счете эти деньги работают и против тех, кто их ему, по глупости, дал. И в том не ошибся. Это он использовал немцев, а не они его. И еще была у него неукротимая бешеная энергия. В феврале 1917 года для него наступил тот звездный час жизни, когда все задуманное сбывается.

Его политический выигрыш состоял в том, что, если бы даже Временное правительство и пообещало народу в первом своем "Обращении" все, чем грезили массы, оно ничего не смогло бы сделать немедленно. У Ленина все равно оставалось время демонстративно предъявлять противнику невыполнимые требования, возбуждая против него народ. Задачи и беды России 1917-го года не подлежали быстрому разрешению. Ленин этим воспользовался во всю мощь своего тактического дарования.

Ленин отказался не только от какого-либо сотрудничества с русской демократической революцией, но и от классической марксистской схемы социалистической революции.

Эта схема предписывала и пророчила возникновение "диктатуры пролетариата" в совершенно иных условиях, чем те, которые сложились в России в 1917 году. Но Ленин нутром почувствовал, что можно взять в руки власть, и намеревался потом уже привести реальность в соответствие с марксистской теорией. Эта готовность и нравственная способность перешагнуть через необходимые начальные условия эксперимента и составляет те решающие психологические факторы, без которых не может состояться попытка воплотить в жизнь утопию. Для такого шага нужна достаточная беспринципность. Интеллектуально ответственный человек будет ждать несбыточного — возникновения предсказанных утопией начальных условий — и никогда не сделает такого шага. Именно поэтому возражали против "пролетарской революции" в России 1917 года Плеханов и многие другие марксисты внутри страны и за ее пределами. Ленин легко перешагнул через отсутствие этих условий. Он вступил в конфронтацию с бесчисленными российскими и западными социалистами, включая и большинство собственной партии состава весны 1917 года. Если бы не ленинская энергия, целеустремленность и тактический дар, большевики, возможно, превратились бы в крайнюю левую парламентскую оппозицию свободной России — и только. Но вокруг него издавна группировались люди определенного склада, и он сумел заразить их своим стремлением к власти, своей неколебимой уверенностью, что при всеобъемлющем полномочии его партии, при п р а в и л ь н о м ее поведении перестроить реальность можно.

Вне всякой зависимости от истинного поведения и намерений "временных" Ленин любой ценой решил нагнетать непримиримость, ненависть, готовность к бою в своих соратниках, чтобы потом разбудить эти чувства и в массах. Вся письменноречевая продукция Ленина 1917 года — от первых писем к коллегам по партии в марте до яростных писем в ЦК о восстании в октябре — проникнута тремя заботами: 1) углуб-

ление деструкции российского общества, ее провоцирование во всех плоскостях жизни: экономической, правовой, дисциплинарной, нравственной, фронтовой и гражданской; 2) превращение собственной партии в предельно сплоченное боеспособное орудие этой деструкции; 3) возбуждение, усиление, нагнетание именно тех претензий масс, которые власть не может удовлетворить вообще или за короткое время.

Сталин, например, вернувшись из ссылки и мысля в то время согласно марксистской схеме, готов был к сотрудничеству с социалистами разных толков. Ленин прежде всего занялся отрезвлением своих захмелевших от свободы коллег по партии.

Трудно отыскать в наследии Ленина документы более ленинские по духу и стилю, чем его первые послефевральские письма к соратникам:

16.III.1917.

”...Величайшим несчастьем было бы, если бы обещали теперь кадеты легальную рабочую партию и если бы наши пошли на ”единство” с Чхеидзе и Ко!!

Но этому не бывать. Во-1-х, кадеты не дадут легальной рабочей партии никому кроме гг. Потресовых и Ко. Во-2-х, если дадут, мы создадим попрежнему с в о ю особую партию и о б я з а т е л ь н о соединим легальную работу с нелегальной.

...неприменно соединение легальной работы с нелегальной. Республиканская пропаганда, борьба против империализма, п о п р е ж н е м у революционная пропаганда, агитация и борьба с целью м е ж д у н а р о д н о й пролетарской революции и завоевания власти ”Советами рабочих депутатов” (а не кадетскими жуликами)”.*

* Ленин В.И., ПСС, т. 49, стр. 399-401. (Разбивка Ленина). И поны-

Почему "жуликами"? Было ли время проверить степень искренности кадетов в их "Обращениях"? Это не имеет для Ленина ровно никакого значения. В ленинской новой агитаторской схеме кадеты должны быть "жуликами", — иначе к чему России большевики?

"Сейчас — добивать реакцию, ни тени доверия и поддержки новому правительству (ни тени доверия Керенскому, Гвоздеву, Чхенкели, Чхеидзе и Ко) и вооруженное выжидание, вооруженная подготовка более широкой базы для более высокого этапа.

P.S.: Боюсь, что болезнью повальной теперь будет в Питере "просто" увлечение, без систематической работы над партией нового типа, ни в коем случае не *à la* "II Интернационал". Вширь! Новые слои поднимать! Новую инициативу будить, новые организации во всех слоях и им доказать, что мир даст лишь вооруженный Совет рабочих депутатов, если он возьмет власть".*

не соединение легальной деятельности с нелегальной — основа стратегии и тактики всех компартий. В демократических странах они соединяют парламентскую и другую легальную деятельность с нелегальной, максимально используя демократические свободы для подрыва и дестабилизации демократических режимов изнутри с конечной целью установления с *во ей* монопартократии. В конце 1940-х гг. в некоторых странах Запада предвыборная борьба против коммунистов велась под лозунгом: "Противникам парламентаризма — не место в парламенте". Теперь этот лозунг прочно забыт. Немедленно после прихода к власти коммунисты сбрасывают отслужившую маску поборников плюрализма и прав человека в своей внутренней политике. Но во внешней продолжают соединять нормальные дипломатические, торговые и др. взаимоотношения с дестабилизацией и подрывом своих демократических партнеров извне и изнутри всеми средствами, включая международный терроризм.

* Ленин В.И., ПСС, т. 49, стр. 401-403.

Ленин, вожделеющий мира, — не новость ли? Не он ли в 1914-1915 гг. писал: *

”Неверен лозунг ”мира” — лозунгом должно быть превращение национальной войны в гражданскую войну. (Это превращение может быть долгим, может потребовать и потребует ряда предварительных условий, но всю работу надо вести по линии именно такого превращения, в духе и направлении его). Не саботаж войны, не отдельные, индивидуальные выступления в таком духе, а массовая пропаганда (не только среди ”штатских”), ведущая к превращению войны в гражданскую войну... лозунг должен быть: гражданская война.

Объективно — из коренной перемены в положении Европы вытекает такой лозунг для эпохи массовой войны...

...Мы не можем стоять за л о з у н г мира, ибо считаем его архипутаным, пацифистским, мещанским, помогающим правительствам (они хотят теперь одной рукой быть ”за мир”, чтобы выпутаться) и тормозящим революционную борьбу...

...И ясно, что ”разоружение”, как лозунг тактики, есть оппортунизм. Захолустный притом, воняет маленьким государством, отстраненностью от борьбы, убожеством взгляда: ”моя хата с краю”...”

Но ведь он и теперь о мире не помышляет. Он готовит российскую и мировую ”пролетарскую революцию” — войну, идущую в России и в мире по сей день и к утопической власти рабочего класса, к истинным интересам пролетариата никакого отношения не имеющую!

* Ленин В.И., ПСС, т. 49, стр. 12-15, 39, 43-45.

Ленинский лозунг мира в России весны 1917-го года — это рычаг деструкции армии, орудие дискредитации едва народившейся власти в глазах народа — и *"nec plus ultra"* (и ничего более), как любил говаривать Владимир Ильич.

Со временем он выразит свое отношение к пацифизму с цинической откровенностью:

”С пацифизмом и Вы и я боролись как с программой революционной пролетарской партии. Это ясно. Но где, кто, когда отрицал использование пацифистов этой партией для разложения врага, буржуазии?

Ваш Ленин”.*

Слова эти по сей день являются руководством к действию для наследников Ленина.

В свое время Ленин решительно отказывался ”делать божка” из мира:

”Мы должны кое-что сделать: выработать программу революции, — разоблачить идиотский и лицемерный лозунг мира, обличать, опровергать его, — говорить с рабочими начистоту, — чтобы сказать п р а в д у (без подлого дипломатничанья авторитетов II Интернационала). А правда такова: или поддерживать начинающееся революционное брожение и содействовать ему (для этого нужен лозунг революции, гражданской войны, нелегальная организация *etc.*) или заглушать его (для этого нужен лозунг мира, ”осуждение” ”аннексий”, быть может и разоружение *etc. etc.*)...”**

* Ленин В.И., ПСС, т. 54, стр. 172.

** Ленин В.И., ПСС, т. 49, стр. 83-84.

Теперь он снисходительно выговаривает Инессе Арманд: *

25-31. III. 1917

”Дорогой друг!

Вы, видимо, нервничаете чересчур — этим объясняю ряд теоретических ”странностей” в Ваших письмах.

Из революции нельзя делать ”божка”. Керенский — революционер, но пустомеля, лгунишка, обманщик рабочих. Почти несомненно, что даже в СПб, ”Совете рабочих и солдатских депутатов” б о л ь ш и н с т в о одурачено им (при помощи колеблющегося и путающего Чхеидзе). А что будет с деревней?”

Ни из чего ”нельзя делать божка”: ни из мира, ни из революции — ни из чего, кроме полного овладения обстоятельствами и захвата власти в революционной России.

Временный комитет в первом же своем ”Обращении” наметил перспективу своего у х о д а о т в л а с т и и передачи ее Учредительному собранию.

Ленин в своем первом, зарубежном еще, отклике на ”Обращение” намечает на предвидимый отрезок времени все магистральные направления б о р ь б ы з а в л а с т ь . Бессмысленно строить догадки — за власть с в о ю или за власть своей п а р т и и ; для Ленина это тождественно: партия — это он.

В день прихода нового правительства к власти Ленин уже требует от него ”не слов, а действий”, не свободы только, а мира (свобода ничто без мира), земли (свобода ничто для крестьянина без земли) и хлеба (свобода ничто без хлеба).

— Не дают! Взять! Сразу! Много! — вот те мотивы, которые сразу улавливаются в ленинских первых пропагандистских откликах на февральскую революцию.

* Ленин В.И., ПСС, т. 49, стр. 414.

Тактический смысл подобной политической демагогии очевиден. Конструктивного смысла ни набросок ленинских "Тезисов от 17 марта 1917 года",* ни ленинские "Письма издадека"*** не содержат. В этих документах заключено в более или менее развернутой форме в с е , что Ленин сумеет выдвинуть против Временного правительства, и в с е , что он будет предлагать в качестве программы действий или обещаний рабочим и крестьянам на протяжении марта-октября 1917 года.

В "Письмах издадека" (и, повторяю, во всей той печатно-речевой продукции, которая из них вытекает) Ленин ставит между народом и Временным правительством, между народным сознанием и жизнью ширму псевдореальности, расписанную фигурами, призванными предопределить нужное их автору поведение зрителей. Ложь ли это для Ленина? И да, и нет.

Образ исчадия ада, коварного и продажного Временного правительства, захватившего в союзе с "международным империализмом" власть в России, несомненно, сознательная ложь. Ленин-политик достаточно зорок, чтобы видеть, с кем он имеет дело в лице Временного правительства. Он лично знает людей, на которых клеветает. Он и действует в расчете на хорошо ему ведомую их политическую инфантильность. Он знал, что был бы немедленно нейтрализован мало-мальски осмотрительной властью, ведущей войну в таких условиях. Образ целеустремленного, героического пролетариата, совершившего революцию, плоды которой пожало злокозненное правительство узурпаторов, тоже несомненная ложь.***

* Ленин В.И., ПСС, т. 31, стр. 1-6.

** Там же, стр. 9-59.

*** К великому сожалению, подсоветскому читателю все еще недоступна картина возникновения и попыток функционирования российской февральской демократии, воссозданная А.Солженицыным в его четырехтомном "Марте Семнадцатого".

Мера стихийности совершившегося в феврале 1917-го года, сложнейшие переплетения разнонаправленных обстоятельств, его обусловивших, взрывной характер бунта в столицах, ничем не связанного с "пролетарской идеологией", с "социалистическим сознанием рабочего класса", известны Ленину лучше, чем предмету его нападок — либерально-прогрессистскому квазиправительству, которое ни одной минуты не управляло событиями...

В "Письмах издалека", кроме муляжа "изолгавшегося" (за восемь дней пребывания у власти!), "продажного из продажных", "заговорщицкого" Временного правительства и плакатной фигуры героического пролетариата, у которого похитили плод победы, есть еще несколько ведущих мотивов. Один из них, всенепременный и обязательный, — игра на ближайших и самых острых житейских потребностях масс, которые правительство "не хочет" удовлетворить. Могло бы удовлетворить, но не сделает этого, ибо оно, правительство, буржуазно-помещичье, тайно монархическое, империалистическое и т.д. Второй мотив — уверенные обещания, что большевики, придя к власти, удовлетворят все потребности масс сразу и радикально. Третий — фантастические "конкретные мероприятия", которые должны обеспечить народу удовлетворение всех его нужд.

Язык "Писем" двухсоставен: привычные для социалистической журналистики и для марксизма термины и штампы переплетаются с яркими, упрощенными, то вкрадчивыми, то грубоватыми пассажами, рассчитанными на неподготовленного читателя, сердце и логику которого надо себе подчинить.

Картину событий, образы их участников, макеты их целей Ленин лепит размашисто и произвольно. Его забота — не правдоподобие, а необходимая реакция зрителей на эти яркие муляжи.

Об одном из самых стихийных событий в российской истории и о бесконечно растерянных его участниках, ставших волей судьбы правительством, Ленин пишет:

”Эта восьмидневная революция была, если позволительно так метафорически выразиться, ”разыгранна” точно после десятка главных и второстепенных репетиций; ”актеры” знали друг друга, свои роли, свои места, свою обстановку вдоль и поперек, насквозь, до всякого сколько-нибудь значительного оттенка политических направлений и приемов действия...”

Далее следуют обязательные инсинуации: никакой демократической власти в России нет; существует:

”...заговор англо-французских империалистов с Гучковыми и Милюковыми с целью смещения ”главного вояки” Николая Романова и замены его в о я к а м и более энергичными, свежими, более способными.

Питерские рабочие, как и рабочие всей России, самоотверженно боролись против царской монархии, за свободу, за землю для крестьян, з а м и р , против империалистической бойни. Англо-французский империалистический капитал, в интересах продолжения и усиления этой бойни, ковал дворцовые интриги, устраивал заговор с гвардейскими офицерами, подстрекал и обнадеживал Гучковых и Милюковых, подстраивал с о в с е м г о т о в о е н о в о е п р а в и т е л ь с т в о , которое и з а х в а т и л о в л а с т ь после первых же ударов пролетарской борьбы, нанесенных царизму.

Это новое правительство, в котором октябристы и ”мирнообновленцы”, вчерашние пособники Столыпина-Вешателя, Львов и Гучков, занимают д е й с т в и т е л ь н о в а ж н ы е посты, боевые посты, решающие посты, армию, чиновничество, — это правительство, в котором Милюков и другие кадеты сидят больше для украшения, для вывески, для сладеньких профессорских речей, а ”трудовик” Керенский играет роль ба-

лалайки для обмана рабочих и крестьян, — это правительство не случайное сборище лиц”.

Отлично знающий, как мало соответствуют истине его обвинения, он упражняется и изощряется в них вплоть до совершенно уже демагогического:

”...Хлеб для народа и мир — это мятежничество, а министерские места для Гучкова и Милюкова, это — ”порядок”. Старые, знакомые речи!

Неужели пролетариат России проливал свою кровь только для того, чтобы получить пышные обещания одних только политических демократических реформ? Неужели он не потребует и не добьется, чтобы в с я к и й трудящийся т о т ч а с увидал и почувствовал известное улучшение своей жизни? Чтобы всякая семья имела хлеб? Чтобы всякий ребенок имел бутылку хорошего молока и чтобы ни один взрослый в богатой семье не смел взять лишнего молока, пока не обеспечены дети? Чтобы дворцы и богатые квартиры, оставленные царем и аристократией, не стояли зря, а дали приют бескровным и неимущим?”

Каковы же спасительные рецепты, которые, по Ленину, должны обеспечить ”хлеб для народа и мир”, ”бутылку хорошего молока” каждому пролетарскому ребенку и ”приют бескровным и неимущим”?

”Чисто-пролетарской, истинно-революционной и глубоко правильной по замыслу является... идея... пролетарски-солдатского надзора за Временным правительством.

Вот это дело! Вот это достойно рабочих, проливавших свою кровь за свободу, за мир, за хлеб для народа!

Вот это — реальный шаг по пути реальных гарантій и против царизма и против монархии и против монархистов Гучкова — Львова с Ко! Вот это — признак того, что русский пролетариат, несмотря ни на что, ушел вперед по сравнению с французским пролетариатом в 1848 г., "уполномочивавшим" Луи Блана! Вот это — доказательство, что инстинкт и ум пролетарской массы не удовлетворяется декламациями, восклицаниями, посулами реформ и свобод, званием "министра по уполномочию рабочих" и тому подобной мишурой, а ищет опоры только там, где она есть, в вооруженных народных массах, организуемых и руководимых пролетариатом, сознательными рабочими.

Это — шаг по верному пути, но только * первый шаг".

"Сознательными рабочими" — это означает большевиками. Теперь общеизвестно, как Ленин позволит потом рабочим "задавать вопросы" своему правительству "и получать от него ответы". И в какой степени он разрешит массам в их "пролетарском" государстве подменять его армию и его охранку. Но тогда никому это еще не было ведомо. Еще и сам Ленин не видел отчетливо своего грядущего. Нужно было "отбить" массы у "временных". И он это делал с поразительной оперативностью.

Важно не упустить еще одну рецептурную линию ленинской пропаганды и агитации, берущую начало вообще-то в классическом марксизме, а в частности, для данных событий, — в "Письмах издадека" — и еще ранее — в "Наброске тезисов 4 (17) марта 1917 года".

Вот общая, классическая для марксизма, часть этой линии:

* Здесь и далее в тексте ленинских писем разбивка их автора.

”...Нам нужно государство, но не такое, какое нужно буржуазии, с отделенными от народа и противопоставляемыми народу органами власти в виде полиции, армии, бюрократии (чиновничества). Все буржуазные революции только усовершенствовали эту государственную машину, только передавали ее из рук одной партии в руки другой партии.

Пролетариат же, если он хочет отстоять завоевания данной революции и пойти дальше, завоевать мир, хлеб и свободу, должен ”разбить”, выражаясь словами Маркса, эту ”готовую” государственную машину и заменить ее новой, сливая полицию, армию и бюрократию с поголовно вооруженным народом. Идя по пути, указанному опытом Парижской Коммуны 1871 года и русской революции 1905 года, пролетариат должен организовать и вооружить все беднейшие, эксплуатируемые части населения, чтобы они сами взяли непосредственно в свои руки органы государственной власти, сами составили учреждения этой власти...”

А вот и ленинские, российские, неизменные для большевизма, идущего к власти, ноты. В ”Наброске тезисов 4 (17) марта 1917 года” * Ленин пишет:

”...Весь манифест нового правительства от 17. III. внушает самое полное недоверие, ибо он состоит только из обещаний и не вводит в жизнь немедленно ни одной из самых насущных мер, которые вполне можно и должно бы осуществить тотчас.

Новое правительство не говорит в своей программе ни слова ни о 8-часовом рабочем дне и других эконо-

* Ленин В.И., ПСС, т. 31, стр. 1-6.

номических улучшениях положения рабочих, ни о земле для крестьян, о передаче крестьянам без выкупа всех помещичьих земель, обнаруживая молчанием об этих насущных вопросах свою капиталистическую и помещичью природу.

Дать народу мир, хлеб и полную свободу в состоянии лишь рабочее правительство, опирающееся, во-1-х, на громадное большинство крестьянского населения, на сельских рабочих и беднейших крестьян; во-2-х, на союз с революционными рабочими всех воюющих стран.

Новое правительство не может дать ни народам России (ни тем нациям, с которыми связала нас война) ни мира ни хлеба ни полной свободы, и потому рабочий класс должен продолжить свою борьбу за социализм и за мир, должен использовать для этого новое положение и разъяснить его для самых широких народных масс.

...Оно не в состоянии сделать то, что теперь необходимо народам: немедленно и открыто предложить всем воюющим странам осуществить перемирие тотчас, а затем заключить мир на основе полного освобождения колоний и всех зависимых и неполноправных наций. Для осуществления этого нужно рабочее правительство в союзе, во-1-х, с беднейшей массой деревенского населения; во-2-х, с революционными рабочими всех воюющих стран.

Новое правительство не может дать народу хлеба. А никакая свобода не удовлетворит массы, терпящие голод от недостатка припасов, от дурного распределения их, а главное от захвата их помещиками и капиталистами. Чтобы дать народам хлеб, необходимы революционные меры против помещиков и капиталистов, а эти меры в состоянии осуществить лишь рабочее правительство..

...Для выполнения этой задачи пролетариат и РСДРП должны в первую голову использовать ту относительную и неполную свободу, которую вводит новое правительство и которую обеспечить и расширить в состоянии лишь более настойчивая и упорная дальнейшая революционная борьба...”

В ”Тезисах от 4(17) марта 1917 года”, как и в других, опубликованных (в отличие от этого наброска) т о г д а ж е статьях, Ленин еще как-то маскирует призыв к свержению новой власти, к использованию введенных ею поистине беспредельных свобод, в первую очередь, против нее самой. Маскирует, используя священную для большинства российских интеллигентов социалистическую фразеологию. В них лишь настойчиво и неизменно повторяется тезис о ”новом, рабочем” правительстве, способном удовлетворить все потребности масс.

Но в ”Письмах издалека” тезис о свержении правительства воюющего государства, да еще правительства революционно-го, объявившего о введении всех гражданских свобод, дан вполне открыто:

”В самом деле, требовать ”участия” рабочих в гучковско-милюковском правительстве есть теоретически и политически нелепость: участвовать в меньшинстве значило бы быть пешкой; участвовать ”поровну” невозможно, ибо нельзя помирить требование продолжать войну с требованием заключить перемирие и открыть мирные переговоры; чтобы ”участвовать” в большинстве, надо иметь силу с в е р г н у т ь гучковско-милюковское правительство”.

И в такой форме этот призыв будет варьироваться в десятках ленинских и неленинских текстов, неограниченно мно-

жимых большевиками с помощью немецкого золота.

В одной из первых своих речей на совещании большевиков — членов Совета Ленин говорит: "Сказать о коммуне — не поймут. Но сказать, что вместо полиции — Совет рабочих и батрацких депутатов, научитесь управлять — нам некому помогать (это поймут)." * В отличие от своих оппонентов, не владеющих языком стопроцентной демагогии, Ленин никогда не упускает из виду главного условия эффективной пропаганды: хочешь быть понятым, говори на языке масс и говори то, что массы не только могут понять, но и хотят услышать. Знает ли Ленин, что он не выполнит всех чаяний своих адресатов? По отношению к преобладающей части российского населения — крестьянству несомненно знает. Он говорит:

"Необходимо выделить Советы депутатов от беднейших крестьян. Есть богатый мужик, есть батрак. Ему если даже дать землю, он все равно хозяйства не создаст. Нужно создать из крупных имений образцовые хозяйства, с хозяйством на общих началах, а хозяйничать должны Советы батрацких депутатов". **

Этот отрывок зловец в своей исторической перспективе. Ленин непрерывно будет вести речь о захвате крестьянами не только крупных имений, но и больших хуторских хозяйств. Но в речах "для своих" говорится не о разделе земли и имений между крестьянами, чего ждут крестьяне, а только о передаче земли и имений крестьянским советам б а т р а ц к и х (иногда — крестьянских) депутатов.

К о л л е к т и в н ы е х о з я й с т в а советов означают (для посвященных) хозяйства, подчиненные большевистскому государству, ибо в наследии послефевральского Ле-

* Ленин В.И., ПСС, т. 31, стр.109.

** Там же.

нина звучит еще одна настойчиво повторяемая идея: лозунг "Вся власть Советам" имеет политическую целесообразность только в том случае, если ведущая роль в советах принадлежит большевикам. Ленин не говорит и не думает, что люди, которые в одиночку хозяйства "все равно не создадут", сумеют создать его, собравшись в кучу. Он говорит: "...а хозяйничать должны Советы батрацких депутатов", то есть органы государственной власти, а не бедняки, собравшиеся для хозяйничанья в одной конторе. Внимательно перечитав продукцию дооктябрьского Ленина, невозможно приписывать идею коллективизации крестьянства Сталину. Методы? В дальнейшем развитии этой темы мы увидим, какими методами проводил Ленин продрозверстку, — с чего бы он стал стесняться в коллективизации? К НЭПу он обратился, спасая власть своей партии. В тот самый миг, когда партия ощутила бы силу справиться со слоями, порожденными НЭПом, он бы их раздавил, как это сделал его ученик.

НЭП для Ленина не был шагом необратимым, эволюционным, а представлял собой вынужденный тактический ход, отступление, ограниченное и во времени, и по существу перемен.

Учредительное собрание тоже является для Ленина дежурной темой массовой демагогии. Он без конца осыпает бранью Временное правительство за промедление с его созывом. Однако в речи, обращенной к "своим", отчетливо видно, что и из Учредительного собрания, как из мира в 1914-1916 гг. и как из февральской революции, Ленин "божка делать" не собирается:

"Жизнь и революция отводят Учредительное собрание на задний план. Законы важны не тем, что они записаны на бумаге, а тем, кто их проводит". *

* Ленин В.И., ПСС, т. 31, стр. 110.

Но на всякий случай Ленин баллотируется в депутаты Учредительного собрания сразу от двух округов и беспокоится, получит ли он право на один или два мандата.

Ленину необходимо вдальбивать в сознание аудитории мысль, что законы, исходящие не от "рабочего правительства" и не им проводимые в жизнь, не могут быть хороши, ибо исходят из недоброкачественного источника. Таким образом априори обесценивается любая законодательная акция, исходящая не от большевиков (не от "рабочего правительства").

При этом Ленин почти в каждой статье и речи с удивительной адвокатско-судейской изворотливостью сохраняет видимость своего пребывания в границах демократической законности и лояльности, обеспечивая себе формальное политическое алиби.

Шедевром в смысле ленинских алиби 1917 года является заключение тезисов "О задачах пролетариата в данной революции", посвященное "полемике" Ленина с Плехановым.*

"Чтобы читатель понял, почему мне пришлось подчеркнуть особо, как редкое исключение, "случай" добросовестных оппонентов, приглашаю сравнить с этими тезисами следующее возражение господина Гольденберга: Лениным "водружено знамя гражданской войны в среде революционной демократии" (цитировано в "Единстве" г-на Плеханова, № 5).

Не правда ли, перл?

Я пишу, читаю, разжевываю: "ввиду несомненной добросовестности широких слоев массовых представителей революционного оборончества... ввиду их обмана буржуазией, надо особенно обстоятельно, настойчиво, терпеливо разъяснить им их ошибку"...

* Ленин В.И., ПСС, т. 31, стр.113-118.

А господа из буржуазии, называющие себя социал-демократами, не принадлежащие ни к ш и р о к и м слоям, ни к м а с с о в ы м представителям оборончества, с ясным лбом передают мои взгляды, излагают их так: "водружено (!) знамя (!) гражданской войны" (о ней нет ни слова в тезисах, не было ни слова в докладе!) "в среде (!) революционной демократии"...

Что это такое? Чем это отличается от погромной агитации? от "Русской Воли"?

...оппоненты известного сорта излагают мои взгляды, как призыв к "гражданской войне в среде революционной демократии"!!

Я напал на Вр. правительство за то, что оно не назначало ни скорого, ни вообще какого-либо срока созыва Учр. собрания, отделяясь посулами. Я доказывал, что б е з Советов р. и с. деп. созыв Учр. собрания не обеспечен, успех его невозможен.

Мне приписывают взгляд, будто я против скорейшего созыва Учр. собрания!!!

Я бы назвал это "бредовыми" выражениями, если бы десятилетия политической борьбы не приучили меня смотреть на добросовестность оппонентов, как на редкое исключение".

Плеханов назвал знаменитую речь Ленина с броневика бредом. Разумеется, он, Плеханов, оценивал эту речь с точки зрения практических результатов, которых ожидал бы от такой речи он сам. Плеханов 1917 года хотел развития д е м о к р а т и ч е с к о й революции и сохранения российского д е м о к р а т и ч е с к о г о государства, наименее болезненного окончания войны, созыва Учредительного собрания, единства всех социалистических и либеральных сил. По владеющей им классической марксистской схеме, о социализме можно было бы заговорить лишь после стабилизации демократии "бур-

жуазного” типа. С точки зрения э т и х целей он и расценивает демагогию Ленина. Все, чего требует Ленин: разорвать связь между Временным правительством и Советами, создать ”государство-коммуна”, закончить войну ”братаньем на фронте”, разрушить и немедленно преобразовать сложившиеся принципы экономики в голодной, воюющей, разобщенной стране; установить рабочий контроль над предприятиями, торговлей и банками; решить аграрную проблему без серьезной подготовительной работы, все непрерывные апелляции Ленина к мужицкой тяге к земле, подстрекающие солдат поворачиваться затылком к фронту, — все это Плеханову-гражданину, Плеханову-человеку, Плеханову-социалисту казалось бредом. Это и было бредом с любой конструктивной, а не разрушительной точки зрения. Но ведь на самом деле Ленин решает в этот момент не созидательные, а разрушительные задачи. Как это бывает с ним всегда, его неисчерпаемая (пока не свалился) энергия и величайшая тактическая одаренность сконцентрированы на ближайших тактических ходах. Ленин не защищается от Плеханова по существу проблем — он цепляется к словам, ловит Плеханова на несуществующих логических противоречиях и льстит толпе, присутствующей при споре:

”Г-н Плеханов в своей газете назвал мою речь ”бредовой”. Очень хорошо, господин Плеханов! Но посмотрите, как вы неуклюжи, неловки и недогадливы в своей полемике. Если я два часа говорил бредовую речь, как же терпели ”бред” сотни слушателей? Далее. Зачем ваша газета целый столбец посвящает изложению ”бреда”? Некругло, совсем некругло у вас выходит.

Гораздо легче, конечно, кричать, браниться, вопить, чем попытаться рассказать, разъяснить, вспомнить, как рассуждали Маркс и Энгельс в 1871, 1872, 1875 гг.

об опыте Парижской Коммуны и о том, как оно государство пролетариату нужно?

Бывший марксист г. Плеханов не желает, вероятно, вспоминать о марксизме...

Запутались бедные русские социал-шовинисты, социалисты на словах, шовинисты на деле”.

Напоминаю: большевики издавали в апреле-октябре 1917 года больше массовой печатной продукции, чем все остальные российские партии, включая правящую коалицию, вместе взятые. Ленинцы никогда не страдали элитарным пренебрежением к печатному слову. Они его силу знали, поэтому доводили до каждого нужного им уха слово собственное и душили в зародыше каждое им опасное чужое слово (как только обрели возможность доводить и душить). При этом они всегда говорили (и говорят) с каждой аудиторией на ее языке — на уровне ее понимания, чего не умели (и не умеют) делать их просвещенные оппоненты.

Ленин откровенно, печатно, настойчиво учит своих соратников использовать предоставляемую демократией свободу для ее разрушения.

Не исключено, что в марте-мае 1917-го года большевистскую демагогию еще можно было бы нейтрализовать пропагандистскими средствами, если бы Временное правительство и партии центра были решительно настроены это сделать.

Чуть позднее одних только пропагандистских мер было бы уже недостаточно для нейтрализации большевизма. Но довольно долгое время еще хватило бы ряда продуманных полицейских и (или) военных акций против экстремизма в столицах и хорошей пропаганды в провинции, в армии и в деревне. Но никакой налаженной отстройки охранительных сил правительство не вело. Так много сделавшая для дестабилизации режима либеральная интеллигенция готовилась соуправлять конституционной монархией или благопристойной демо-

кратической республикой, а не взбаламученным народным морем.

Большевики "говорили" о подрыве армии во время войны и о свержении воюющей государственной власти, первое — делая, второе — предуготовляя своими "словами". Это были уже не слова — это была артподготовка перед атакой, от чего демократия имеет право себя защищать. Но демократия (как и сегодня, — там, где она есть) не защищалась от большевиков не только делом, но и словом. А когда демократия не защищается ни словом, ни делом от партий "нового типа", она не только перестает быть демократией — она вообще перестает быть. Сейчас это правило действует так же универсально, как и в российском 1917-м году.

4. УТОПИЯ У ВЛАСТИ

Разрушение российской демократии в 1917 году и последующее овладение истекавшей кровью страной путем демагогии и террора — было самой большой, пожалуй, даже единственной большой победой Ленина. Он победил, презрительно пренебрегши тем, что его противник считал правилами игры. Ленин никогда не был тем игроком, который получает удовлетворение от игры по правилам. Его жена в своих воспоминаниях о нем* рассказывает, как однажды в Шушенском он охотился на зайцев. Была осень, пора, предшествующая ледоставу. По реке шла шуга — ледяное крошево, готовое вот-вот превратиться в броню. На маленьком островке спасались застигнутые ледоставом зайцы. Владимир Ильич сумел добраться в лодке до островка и прикладом ружья набил столько зайцев, что лодка осела под тяжестью тушек. Надежда Константиновна рассказывает об охотничьем подвиге антипода Некрасовского деда Мазая с завидным благодушием. Способность испытывать охотничье удовлетворение от убийства попавших в естественную западню зверьков — для Ленина психологически характерный штришок. Правила охоты — ничто, результат — все.

Его двоюродный брат в своих воспоминаниях о нем рассказывает, как однажды несколько дней подряд играл с Володиной в игру: на одной половине доски стояли солдатики из папье-маше, на другой половине — шашки. Щелчком по шашке

* Крупская Н.К., Воспоминания. Москва, Госиздат, 1932 и 1934 гг.

следует сбить с доски солдатика. Володя был старшим и не любил проигрывать. В один прекрасный день он приклеил к фигуркам сзади полоски картона и приколот их кнопками к полу. Младший обиженно плакал, старший хохотал своим знаменитым заразительным смехом.

Ряд его зрелых тактических операций удивительным образом напоминает то историю с зайцами, то фокус с приклеенными солдатиками.

Восемь месяцев Ленин корил Временное правительство за тяжкой созыва Учредительного собрания. Общеизвестно, что, когда собрание, наконец (уже при ленинском правлении), открылось, Ленин его разогнал и провел ряд репрессий против его депутатов. Все это естественно для диктатуры — "власти, не связанной никакими законами и опирающейся только на насилие" (Ленин). Но Ленин не мог не поддаться своей обычной страсти к юридическим алиби. Маркс в работах, посвященных Парижской коммуне, и он сам — в популяризации этих работ без конца твердили о праве народа отзывать своих депутатов из любых представительных органов. Как могло выглядеть это право по отношению к Учредительному собранию в России конца 1917 — начала 1918 годов? Только как право самих избирателей с мест отозвать и заменить своих депутатов. Что делает Ленин? Законодательно препоручает право отзыва депутатов и роспуска любых представительных учреждений и их перевыборов... Советам депутатов, а не их избирателям! Естественно, что Учредительное собрание как высший представительный орган страны может быть "отозвано" и "распущено" только высшим органом советской власти, то есть Всероссийским центральным исполнительным комитетом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, безраздельно подчиненным ленинскому ЦК. Казуистика и цинизм ленинского "проекта" декрета "О праве отзыва", оставлявшего избирателей полностью вне такого права, пред-

восхищают гражданское бесправие всего последующего периода, фактическое и юридическое.

Ленинский "проект" начинался так:

"Какое бы то ни было выборное учреждение или собрание представителей может считаться истинно демократическим и действительно представляющим волю народа только при условии признания и применения права отзыва избирателями своих выборных. Это основное, принципиальное положение истинного демократизма, относясь ко всем без исключения собраниям представителей, относится также и к Учредительному собранию".

Как будто бы здесь все ясно: речь идет о праве отзыва избирателями своих выборных.

Но обратимся к финалу "проекта" — к предполагаемому Лениным постановлению высшей советской инстанции в стране:

"...Поэтому Всероссийский Ц.И.К. Советов раб., солд. и крест. депутатов постановляет:

Советы раб. и солд. депутатов, а равно и Советы крестьянских депутатов каждого избирательного округа имеют право назначать перевыборы во все городские, земские и вообще во всякие представительные учреждения, не исключая и Учредительного собрания. Советы имеют также право назначить срок перевыборов. Самые же перевыборы происходят обычным порядком на строгих основаниях пропорциональной системы выборов".*

Итак, избиратели, отзывающие своих выборных, куда-то бесследно исчезают (без всякой аргументации со стороны авто-

* Ленин В.И., ПСС, т. 35, стр. 100-107.

ра директивного "проекта"). Взамен возникают "Советы рабочих и солдатских депутатов", а равно и "Советы крестьянских депутатов", облеченные правом отзывать депутатов и назначать перевыборы.

Естественно, что за этим декретом последовало очередное

"Постановление В.Ц.И.К. 16(3) января 1918 г.

На основании всех завоеваний Октябрьской революции и согласно принятой на заседании Центрального исполнительного комитета 16(3) января с.г. Декларации трудового и эксплуатируемого народа, вся власть в Российской Республике принадлежит Советам и советским учреждениям. Поэтому, всякая попытка со стороны кого бы то ни было, или какого бы то ни было учреждения присвоить себе те или иные функции государственной власти будет рассматриваемая, как контрреволюционное действие. Всякая такая попытка будет подавляться всеми имеющимися в распоряжении Советской власти средствами, вплоть до применения вооруженной силы".*

После II съезда Советов и особенно — после разгона Учредительного собрания — сюсюканье с народом и отеческое вхождение в его заботы исчезает из публицистики и речей Ленина на три с лишним года (ноябрь 1917 — март 1921). Зато возникает новый (и по сей день живой) мотив: сваливание всех отрицательных сторон советской действительности на царизм, на Временное правительство, на мировой империализм, на несовершенство человеческого материала, над которым работают большевики, — на кого и на что угодно, только не на большевистскую власть и не на доктрину, которой она пытается сле-

* Ленин В.И., Соч., изд. III, т. 22, стр. 178. В других изданиях этого текста нет.

довать. Скорого облегчения Ленин народу уже не обещает, народную жажду если не благополучия, то хотя бы улучшения жизни именует рвачеством, а выход до весны 1921-го года видит в одном: в усилении диктатуры и в углублении партюкратического монополизма. Теперь всегда и во всем виновным оказывается не правительство, а какие-нибудь очередные враги, мешающие правительству облагодетельствовать народ. Прислушаемся хотя бы к следующему монологу:

”Товарищи! У меня был на днях ваш делегат, партийный товарищ, рабочий с Путиловского завода. Этот товарищ описал мне подробно чрезвычайно тяжелую картину голода в Питере. Мы все знаем, что в целом ряде промышленных губерний продовольственное дело стоит так же остро, голод так же мучительно стучится в дверь рабочих и бедноты вообще.

А рядом мы наблюдаем разгул спекуляции хлебом и другими продовольственными продуктами. Голод не оттого, что хлеба нет в России, а оттого, что буржуазия и все богатые дают последний, решительный бой господству трудящихся, государству рабочих, Советской власти на самом важном и остром вопросе, на вопросе о хлебе. Буржуазия и все богатые, в том числе деревенские богатеи, кулаки, срывают хлебную монополию, разрушают государственное распределение хлеба в пользу и в интересах снабжения хлебом всего населения и в первую голову рабочих, трудящихся, нуждающихся. Буржуазия срывает твердые цены, спекулирует хлебом, наживает по сто, по двести и больше рублей за пуд хлеба, разрушает хлебную монополию и правильное распределение хлеба, разрушает взяткой, подкупом, злостной поддержкой всего, что губит власть рабочих, добивающуюся осуществить первое, основное, коренное начало социализма: ”Кто не работает, тот да не ест”.

Романов и Керенский оставили рабочему классу в наследство страну, разоренную донельзя их грабительской, преступной и тягчайшей войной, страну, ограбленную русскими и иностранными империалистами дочиста. Хлеба хватит на всех только при строжайшем учете каждого пуда, только при безусловно равномерном распределении каждого фунта. Хлеба для машин, то-есть топлива, тоже крайний недостаток: встанут железные дороги и фабрики, безработица и голод погубят весь народ, если не напрячь все силы для беспощадно строгой экономии потребления, правильности распределения. Катастрофа перед нами, она придвинулась совсем, совсем близко. За непомерно тяжелым маем идет еще более тяжелые июнь, июль и август...”*

Общеизвестно, что Временное правительство пыталось ввести хлебную монополию и что большевики исступленно агитировали против нее (“ у кого хлеб, у того власть...”). Теперь Ленин ссылается на закон, введенный свергнутым правительством, а мотив монополии, мотив извлечения излишков из амбаров злокозненного крестьянства, на три года становится ведущим в ленинской публицистике и речах, с каждым днем все более с т р а ш н ы х.

Именно теперь, когда власть оказалась ”в руках рабочих” и при наличии (по мнению Ленина) излишков хлеба в руках крестьян, логично было бы дать крестьянам как можно свободней подготовиться к севу 1918-го (а затем и 1919-го) года, а рабочих — как можно быстрее занять на фабриках, чтобы восстановить свободный товарообмен между городом и деревней. Не что иное, как ленинский НЭП 1921 года, доказывает, что при допущении элементов частной инициативы в 1918 году это было бы куда легче сделать, чем спустя три года.

* Ленин В.И., ПСС, т. 36, стр. 357-364.

Но (боюсь, что эти моменты зачастую выпадают из нашего поля зрения):

1) С одной стороны, Ленин не хотел сохранения каких бы то ни было форм частной инициативы. При всех его отступлениях от марксизма уничтожение частной собственности казалось ему той фундаментально-искупительной акцией, которая позволяла ему чувствовать большевиков марксистами-ортодоксами, социалистами более, чем все остальные социалисты, ибо отмена частной собственности — это основа основ классического литературного марксизма. С другой стороны, Ленин 1918 года более склонен к управляемому большевиками временному сотрудничеству с крупным международным капиталом, чем к уступкам "мелкой буржуазии", т.е. крестьянству. В глазах Ленина, капиталистическая монополия и — тем более — государственно-капиталистическая монополия стоит куда ближе к социализму, чем независимая крестьянская ("мелкобуржуазная") стихия.

2) Но в 1918 году международный капитал не торопился вступать в сотрудничество с большевиками, и рабочие были необходимы Ленину не на бездействующих фабриках и заводах, а в качестве основного костяка его армии. Не связанные собственностью, они легче становились орудием его демагогии и его воли, чем другие группы населения. В том, что гражданская война неизбежна, он, посягнувший на все естественно сформировавшиеся устои хозяйственной и духовной жизни народа и просвещенных классов, не сомневался.

3) Ему необходимо было руками рабочих и деклассированных элементов, в том числе и части солдат, выжать из крестьянства все, что удастся выжать, чтобы выстоять в гражданской войне и сколотить аппараты своей диктатуры. Он не только потому даровал россиянам НЭП лишь весной 1921 года, что россияне против него к этому времени восставали

уже всплошную, но еще и потому, что к этому времени основной костяк его власти был уже сформирован и упрочен.*

Антикрестьянские филиппики Ленина не прекращались до весны 1921 года. В той же статье "О голоде" он пишет о необходимости —

"надзора на местах за каждым пудом хлеба, за каждым пудом топлива.

Это сделать потруднее, чем проявить героизм на несколько дней, не покидая насиженных мест, не идя в поход, ограничиваясь порывом-восстанием против изверга-идиота Романова или дурачка и хвастунишки Керенского".

За исключением "изверга-идиота Романова", который отнюдь не был ни извергом, ни идиотом, здесь все охарактеризовано цинически верно: и большевистская "революция", и ее "героизм", и ее непосредственный противник Керенский.

Ни о каком молоке для пролетарских детей, ни о каких квартирах для бедняков, ни о какой бессмысленности свобод и прав без материальных преимуществ сейчас нет и речи, как и вообще о правах и свободах. Голос Ленина обретает стальное звучание. Коммунизм оказывается не потребительским раем, а царством самоограничения и верховной регламентации с предусмотренным наперед дефицитом самых необходимых народу вещей.

"...Революция идет вперед, развивается и растет. Растут и задачи, стоящие перед нами. Растет ширина и

* Троцкий предлагал ввести НЭП на год-полтора раньше, но тогда было рано, а через месяц-другой после Кронштадта могло стать поздно. Ленин и Сталин отлично умели выбирать точное время для своих акций. Этой способностью не обладали ни Бухарин, ни Троцкий.

глубина борьбы. Правильное распределение хлеба и топлива, усиление добычи их, строжайший учет и контроль над этим со стороны рабочих и в общегосударственном масштабе, это — настоящее и главное преддверие социализма. Это — уже не "общереволюционная", а именно коммунистическая задача, именно такая задача, где трудящиеся и беднота должны дать решительный бой капитализму.

...В такое время — а для истинно-коммунистического общества это верно всегда — каждый пуд хлеба и топлива есть настоящая святыня, повыше тех святынь, которыми морочат головы дуракам попы, обещающие царствие небесное в награду за рабство земное. А чтобы сбросить всякий остаток поповской "святости" с этой настоящей святыни, надо овладеть ею практически, надо добиться на деле правильного распределения ее, надо собрать все без изъятия, все до конца излишки хлеба в общегосударственные запасы, надо очистить всю страну от спрятанных или несобранных излишков хлеба, надо твердой рабочей рукой добиться крайнего напряжения сил для увеличения добычи топлива и величайшей экономии его, величайшего порядка в его подвозе и потреблении.

Нужен массовый "крестовый" поход передовых рабочих ко всякому пункту производства хлеба и топлива, ко всякому важному пункту подвоза и распределения их, для повышения энергии работы, для удешевления ее энергии, для помощи местным органам Советской власти в деле учета и контроля, для вооруженного уничтожения спекуляции, взяточничества, неряшливости".

Ясно ли читателям, что речь идет о физическом уничтожении людей, продающих и покупающих (или выменивающих

за вещи) вне продразверстки хлеб ради спасения своих семей от голодной смерти?

И снова:

”...Нужен массовый ”крестовый поход” передовых рабочих во все концы громадной страны.* Нужно вдесятеро больше железных отрядов сознательно-го и бесконечно-преданного коммунизму пролетариата. Тогда мы победим голод и безработицу. Тогда мы поднимем революцию до настоящего преддверия социализма. Тогда мы станем способны вести и победоносную оборонительную войну против империалистических хищников”.**

Ленин 1918 года буквально засыпает Россию декретами, которые, будь они педантично выполнены, уничтожили бы чуть не все население. Сыпля декретными громами и молниями, Ленин изо дня в день клеймит

”...чудовищную бездеятельность питерских рабочих. Петроградские рабочие и солдаты должны понять, что им никто не поможет, кроме их самих. Факты злоупотребления очевидны, спекуляция чудовищна, но что сделали солдаты и рабочие в массах, чтобы бороться с нею?! Если не поднять массы на самодеятельность, ничего не выйдет. Необходимо созвать пленарное собрание Совета и постановить произвести массовые обыски в Петрограде и на товарных станциях. Для обысков каждый завод, каждая рота должны выделить отряды, к обыскам надо привлечь не желающих, а обязать каж-

* ”Крестовый поход передовых рабочих” за хлебом провозгласит в 1927-1928 гг. и Сталин (точно в тех же словах, не ссылаясь при этом на источник заимствования).

** Ленин В.И., ПСС, т. 36, стр. 357-364.

дого, под угрозой лишения хлебной карточки. Пока мы не применим террора — расстрел на месте — к спекулянтам, ничего не выйдет. Если отряды будут составлены из случайных, не сговорившихся людей, грабежей не может быть. Кроме того, с грабителями надо также поступать решительно — расстреливать на месте.

Зажиточную часть населения надо на 3 дня посадить без хлеба, так как они имеют запасы и других продуктов и могут по высоким ценам достать у спекулянтов”.*

Но ведь за продажу и покупку хлеба ”по высоким ценам”, в обход государственного распределения, а также за индивидуальный товарообмен Лениным санкционируется в той же речи ”расстрел на месте”!

А это из ”Проекта резолюции о продотрядах”*** — проекта, немедленно превратившегося в декрет:

”1) Привлечь всю массу солдат и рабочих к образованию нескольких тысяч отрядов (по 10-15 человек, а может быть и больше), которые обязаны уделять ежедневно известное число часов (например 3-4 часа) на службу по продовольственному делу.

2) Полки и заводы, которые не будут аккуратно поставлять требуемое число отрядов, лишаются хлебных карточек и подвергаются революционным мерам воздействия и карам.

3) Отряды должны произвести немедленно обыск, во-первых, вокзалов, с осмотром и учетом вагонов с хлебом; во-вторых, путей и узловых станций около Питера; в-третьих, всех складов и частных квартир.

* Ленин В.И., ПСС, т. 35, стр. 311-313.

** Там же.

Инструкция для осмотра, учета и реквизиций вырабатывается Президиумом Петроградского Совета с участием делегатов от Районных Советов или же Особой Комиссией.

4) Пойманных с поличным и вполне изобличенных спекулянтов отряды расстреливают на месте. Той же каре подвергаются члены отрядов, изобличенные в недобросовестности.

5) Из общей суммы революционных отрядов для крайних мер спасения от голода выделяются наиболее надежные и наилучше вооруженные отряды для отправки на все станции и во все уезды главнейших, доставляющих хлеб, губерний. Этим отрядам, при участии железнодорожников, взятых по уполномочию местных железнодорожных комитетов, поручается, во-первых, контроль за продвижением хлебных грузов; во-вторых, контроль за сбором и ссыпкой хлеба; в-третьих, принятие самых крайних революционных мер против спекулянтов и для реквизиции хлебных запасов.

6) Революционные отряды, при всяком составлении протокола реквизиции, ареста или расстрела, привлекают понятых в количестве не менее 6 человек, обязательно выбираемых из находящегося в ближайшем соседстве беднейшего населения”.

Но в конце продовольственного террора, лицом к лицу с опасностью всенародного восстания против большевиков, в преддверии лихорадочного поворота к НЭПу Ленин так заговорит о действиях продотрядов, словно сам он ни малейшего отношения не имеет к их насильственным акциям:

”...Разверстка: у нас такой н а ж и м был, что револьверы к вискам приставляли. Народ возмущен...

...Но сельское хозяйство из-под палки вести нель-

зя... Надо освободить из-под палки, чтобы поднять сельское хозяйство. Палка — продовольственные реквизиции”.*

Но тут же:

”...В комитеты содействия должны входить практические люди. Пусть будет палка, но для нашего содействия”.**

Давно ли большевики оглушали Россию воплями о террористическом Временном правительстве, пригласившем на суд большевистских лидеров с целью расследовать донесения о немецких деньгах, полученных Лениным? Ленин и Зиновьев отказались явиться на суд и скрылись, сославшись на то, что у них нет достаточных гарантий неукоснительного соблюдения судом демократической следственной процедуры. Большевики наводнили своими жалобами на реакционное Временное правительство мировую социалистическую печать. Когда на несколько дней закрывали их подрывные газеты, большевики обращались в социалистические газеты, нещадно и многократно ими обруганные, с недоуменными жалобами и им тотчас же предоставляли целые полосы там.

Теперь одно небольшевистское издание за другим, одна партия за другой объявляются вне закона.

Но, повторяю, ни разу, нигде, ни в одной строке Ленина не прозвучало раздумье над тем, почему большевикам, на протяжении марта-октября 1917 года уверенно бравшим на себя обязательство немедленно дать народу все, о чем тот мечтает, не удалось до поворота к НЭПу принести ему ничего, кроме разрухи, гражданской войны, голода и террора.

* Ленин В.И., ПСС, т. 42, стр. 384-385.

** Там же.

5. ЕГО ЭТИКА

Человек, у смертной постели которого мы только что незримо стояли, не может не вызвать жалости, как всякий страдающий человек.

Но до чего же мало был причастен состраданию он сам, когда стоял в полный рост!

В каждой советской школе висит плакат: "Учиться, учиться, учиться, — так завещал Ильич". Кто из нас помнит, что в хрестоматийной речи "Задачи союзов молодежи", произнесенной Лениным на III съезде РКСМ в 1920 году, говорено им не только о необходимости учиться, "обогащать свою память" "точным знанием культуры" и далее в том же роде? *

В этой по сей день программной для комсомола речи даны Лениным многократные предельно упрощенные определения коммунистической морали и нравственности.

Упрощенность формул достигается Лениным и лексически, и через обеднение содержания. Две-три плоские мысли внушаются слушателям посредством настойчивой тавтологии. Я потому говорю об этих определениях, что они ведь и для самого Ленина программные: они составляют основу его общественно-политического поведения.

"Всякую такую нравственность, взятую вне человеческого, вне классового понятия, мы отрицаем. Мы говорим, что это обман, что это надувательство и забива-

* Ленин В.И., ПСС, т. 41, стр. 298-318.

ние умов рабочих и крестьян в интересах помещиков и капиталистов.

Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата”.

”Вот почему мы говорим: для нас нравственность, взятая вне человеческого общества, не существует: это обман. Для нас нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата.

А в чем состоит эта классовая борьба? Это — царя свергнуть, капиталистов свергнуть, уничтожить класс капиталистов”.

”Когда нам говорят о нравственности, мы говорим: для коммуниста нравственность вся в этой сплоченной солидарной дисциплине и сознательной массовой борьбе против эксплуататоров. Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем. Нравственность служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплуатации труда”.

Социальная этика Ленина (а впрочем, как отделить социальную этику от личной? Этика по определению категория личная) в этой речи, обращенной к невежественным подросткам, составляющим основную массу комсомольцев начала 20-х годов, целиком укладывается в роковую формулу Гитлера: ”Я освобождаю вас от химеры совести”.

С юношеского (в ту пору восемнадцатилетние уже шли в партию, а не в комсомол) сознания снимаются все традиционные этические ограничения и обязанности перед другими людьми. Взамен выдвигается единственное условие праведности — в е р н о с т ь п а р т и й н ы м ц е л я м и и н т е р е с а м . Пафос ленинского обращения к молодежи питает-

ся тремя задачами: внушить убеждение слушателям в тождественности служения партии и нравственности; возбудить ненависть к земледельцам, не выполняющим продразверстки; пробудить в молодежи (призываемой овладеть всеми культурными богатствами прошлого) недоверие и антипатию к интеллигенции (единственному реальному источнику этой культуры для полуграмотного юношества из народа).

”Если крестьянин сидит на отдельном участке земли и присваивает себе лишний хлеб, т.е. хлеб, который не нужен ни ему, ни его скотине, а все остальные остаются без хлеба, то крестьянин превращается уже в эксплуататора.

Чем больше оставляет себе хлеба, тем ему выгоднее, а другие пусть голодают, ”чем больше они голодают, тем лучше, тем дороже я продам этот хлеб”...

”Старое общество было основано на таком принципе, что либо ты грабишь другого, либо другой грабит тебя, либо ты работаешь на другого, либо он на тебя, либо ты рабовладелец, либо ты раб. И понятно, что воспитанные в этом обществе люди, можно сказать, с молоком матери воспринимают психологию, привычку, понятие — либо рабовладелец, либо раб, либо мелкий собственник, мелкий служащий, мелкий чиновник, мелкий интеллигент, словом человек, который заботится только о том, чтобы иметь свое, а до другого ему дела нет.

Если я имею местечко, как врач, как инженер, учитель, служащий, мне дела нет до другого. Может быть, потворствуя, угождая власть имущим, я сохраню свое местечко, да еще смогу и пробиться, выйти в буржуа. Такой психологии, такого настроения у коммунистов нет и быть не может”.

Вот образчики мелкотравчатого "морализаторства" Ленина, которым он подменял универсальную мораль минувших столетий, которая хоть в силу земного несовершенства и нарушалась, но всегда оставалась главным ориентиром.

В декабре 1917 года в статье с невинным названием "Как организовать соревнование"* Ленин с поразительной откровенностью натравливает отцов своих будущих комсомольцев на ту же интеллигенцию. Он призывает рабочих и беднейших крестьян соревноваться отнюдь не на производственном поприще. Он пишет (начиная разговор с рабочими об интеллигенции и прочих врагах революции):

"Прихвостни и прихлебатели буржуазии рисовали социализм, как однообразную, казенную, монотонную, серую казарму. Лакеи денежного мешка, холопы эксплуататоров — господа буржуазные интеллигенты "пугали" социализмом народ, именно при капитализме осужденный на каторгу и казарму безмерного, нудного труда, полуголодной жизни, тяжелой нищеты".

Эпитет "буржуазный" сразу ставит интеллигента в положение преступника ("буржуй — значит — враг"). Этот эпитет равноценен кличке "кулак", подменяющей, когда это нужно, в ленинской пропаганде слово "крестьянин": и эмоционально, и политически он дает адресатам ленинской пропаганды право бить "классового врага".

"Рабочие и крестьяне нисколько не заражены сентиментальными иллюзиями господ интеллигентов; всей этой новожиизненской и прочей слякоти"...

* Ленин В.И., ПСС, т. 35, стр. 195-205.

Рабочим и крестьянам недоступен подтекст возмущения Ленина против "новожизненной и прочей слякоти". Одним из редакторов журнала "Новая жизнь" был Горький. Вот остальной состав редакции: Б.Авилов, В.Базаров, А.Богданов, В.Брюсов, А.Гойхбарг, Б.Горев, С.Далин, В.Керженцев, Л.Красин, Н.Крестинский, М.Кричевский, А.Лозовский, А.Луначарский, М.Лурье, Р.Макдональд, Л.Мартов, В.Маяковский, М.Павлович, А.Нинкевич, Б.Нозерн, Вяч. Полонский, М.Покровский, Лариса Рейснер, Ромэн Роллан, А.Свидерский, Филипп Сноудэн, Ю.Стеклов, К.Тимирязев, А.Н. Толстой, М.Урицкий, Дж. Уэллс, Г.Цыперович, И.Чернышев, Вик. Шкловский и др.

В 1917-1918 гг. "Новая жизнь" регулярно публиковала "Несвоевременные мысли" Горького, по сей день, разумеется, в СССР не переизданные. От "буревестника революции" Ленину не так легко было отмахнуться, вступив с ним в открытый спор. А "буревестник" писал:

"...убиты невинные и честные люди Шингарев, Кошкин,* а у наших властей не хватает ни сил, ни совести предать убийц суду".

"Расстреляны шестеро юных студентов, ни в чем не повинных — это подлое дело не вызывает волнений совести в разрушенном обществе культурных людей".

"Десятками избивают "буржуев" в Севастополе и Евпатории — и никто не решается спросить творцов "социальной" революции: не являются ли они моральными вдохновителями массовых убийств?"

"За время революции насчитывается уже до 10 тысяч "самосудов". Вот как судит демократия своих грешников: около Александровского рынка поймали вора, толпа немедленно избила его и устроила голосо-

* Бывшие министры Временного правительства, либералы и демократы (Д.Ш.).

вание: какой смертью казнить вора: утопить или застрелить? Решили утопить и бросили человека в ледяную воду. Но он кое-как выплыл и вылез на берег, тогда один из толпы подошел к нему и застрелил его”.

”Уличные ”самосуды” стали ежедневным ”бытовым явлением”, и надо помнить, что каждый из них все более и более расширяет, углубляет тупую, болезненную жестокость толпы”.

”Уничтожив именем пролетариата старые суды, г.г. народные комиссары этим самым укрепили в сознании ”улицы” ее право на ”самосуд” — звериное право”.

”Вероятно, все помнят, что после того, как некий шалун или скучающий лентяй расковырял ножиком кузов автомобиля, в котором ездил Ленин, ”Правда”, приняв порчу автомобильного кузова за покушение на жизнь Владимира Ильича, грозно заявила: ”За каждую нашу голову мы возьмем по сотне голов буржуазии”. Видимо, эта арифметика безумия и трусости произвела должное влияние на моряков — вот они уже требуют не сотню, а тысячи голов за голову”.

”Самооценка русского человека повышается. Правительство может поставить это в заслугу себе”.

В те поры ”буревестник” еще не знал, что ”если враг не сдается, его уничтожают”. Приведенные выше отрывки не исключение в статьях Горького тех времен. Можно себе представить реакцию Ленина на ”предательство” Горького (у Ленина все, кто не с ним — предатели). Но он не может ничего противопоставить фактам, приведенным Горьким. И уходя, как всегда, от спора по существу идей и событий, Ленин упорно, в массе своих выступлений, сеет ненависть ко всему строптивому племени интеллигентов (главному, заметим, создателю и носителю социалистических иллюзий в мировой истории), для масс и без того тождественному ненавистным барам.

”Они думают, что ”простой народ”, ”простые” рабочие и беднейшие крестьяне не сладят с великой, поистине героической в всемирно-историческом смысле слова, задачей организационного характера, которую возложила на плечи трудящихся социалистическая революция: ”Без нас не обойтись” — утешают себя, привыкшие служить капиталистам и капиталистическому государству интеллигенты”.

”Надо организовать соревнование практиков-организаторов из рабочих и крестьян друг с другом, в приемах подхода к делу в способах осуществления контроля, в путях истребления и обезвреживания паразитов (богатых и жуликов, разгильдяев и истеричек из интеллигенции и так далее и тому подобное)”.

”В одном месте посадят в тюрьму десяток богачей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы (так же хулигански, как отлынивают от работы многие наборщики в Питере, особенно в партийных типографиях). В другом — поставят их чистить сортиры. В третьем — снабдят их, по отбытии карцера, желтыми билетами, чтобы весь народ, до их исправления, надзирал за ними, как за в р е д н ы м и людьми. В четвертом — расстреляют на месте одного из десяти, виновных в тунеядстве. В пятом — придумают комбинации разных средств и путем, например, условного освобождения добьются быстрого исправления исправимых элементов из богачей, буржуазных интеллигентов, жуликов и хулиганов. Чем разнообразнее, тем лучше, тем богаче будет общий опыт, тем вернее и быстрее будет успех социализма, тем легче практика выработает — и б о т о л ь к о практика может выработать — н а и л у ч ш и е приемы и средства борьбы”.*

* Выделено Лениным.

Позднее, когда Ленину-хозяину понадобятся специалисты, он будет высокомерно бранить забывших свое место рабочих Мосгорводопровода, которые затравили (до самоубийства) своего главного инженера — Ольденбургера...

Но вышецитированное — не только против интеллигенции. В конце 1917 года в Петрограде упорно сопротивляются большевикам самые грамотные и организованные рабочие — печатники. Это им адресовано презрительное "хулигански" и высокомерное "отлынивающие от работы". Оговорка "особенно в партийных типографиях" переносит долю ответственности за забастовки на социалистические и демократические партии, враждебные большевикам. "Сознательные" же, т.е. согласные идти за большевиками рабочие, призываются не только к штрейкбрехерству, а к прямому насилию над бастующими товарищами. С этих пор в ленинской публицистике и речах будут множиться прямые и замаскированные нападки на еще сопротивляющийся диктатуре пролетариат — вплоть до XI съезда РКП (б) — последнего съезда Ленина.

Что с того, что статья о "социалистическом соревновании" в "путях истребления и обезвреживания паразитов", в том числе "разгильдяев и истеричек из интеллигенции", была издана несколькими годами позже, уже преемниками Ленина? Он излил в ней душу, выразил свое настроение — вот что главное.

Ленин и в конце своей жизни будет стремиться к ужесточению советского законодательства, то и дело усматривая недостаточную суровость в представляемых ему на отзыв формулировках статей Уголовного кодекса:

Дополнения к проекту вводного закона к уголовному кодексу РСФСР и письма Д.И. Курскому.

Проект

1. Вводный закон к уголовному кодексу РСФСР

...5. Впредь до установления условий, гарантирующих Советскую власть от контрреволюционных пося-

гательств на нее, революционным трибуналам предоставляется право применения как высшей меры наказания — расстрела по преступлениям, предусмотренным статьями 58, 59, 60, 61, 62, 63 + 64... Уголовного кодекса).

х) Добавить и статьи 64 и 65 и 66 и 67 и 68 и 69.

хх) Добавить право замены расстрела высылкой за границу, по решению Президиума ВЦИКа (на срок или бессрочно).

ххх) Добавить: расстрел за неразрешенное возвращение из-за границы.

”т. Курский!

По-моему, надо расширить применение расстрела (с заменой высылкой за границу). См. с. 1 в н и з у ко всем видам деятельности меньшевиков, с.-р. и т.п.;

найти формулировку, ставящую эти деяния в связь с м е ж д у н а р о д н о й б у р ж у а з и е й и ее борьбой с нами (подкупом печати и агентов, подготовкой войны и т.п.).

Прошу спешно вернуть с Вашим отзывом.

15/V

Ленин”.*

Оговорка Ленина ”Впредь до установления условий, гарантирующих Советскую власть от контрреволюционных посягательств на нее”, — никаким хронологическим ограничением не является. Ленин всегда говорит о посягательствах на ”советскую власть” (читай на коммунистическую партократию) со стороны ”мировой буржуазии”, неизбежных, по его убеждению, до тех пор, пока социализм не станет строем

* Ленин В.И., ПСС, т. 45, стр. 189.

в с е м и р н ы м . До этого сохраняется возможность считать противников большевизма агентами "мировой буржуазии".*

Ленинское стилистическое и смысловое упрощенчество при разговоре с малообразованной аудиторией доходит порой до анекдотического уровня. В 1918-1919 годах он ведет отчаянную организационную и пропагандистскую битву против сторонников правовой демократии, против идей равенства всех граждан перед лицом закона, которые он так умело когда-то эксплуатировал. Необходимо ввести в железное русло стихию, которой было обещано в 1917 году все — что только могло прийти на ум обещать. В статье "Советская власть и положение женщины"*** Ленин пишет:

"Пусть лжецы и лицемеры, тупицы и слепцы, буржуа и их сторонники надувают народ, говоря о свободе вообще, о равенстве вообще, о демократии вообще. Мы говорим рабочим и крестьянам: срывайте маску с этих лжецов, открывайте глаза этим слепцам. Спрашивайте:

- Равенство какого пола с каким полом?
- Какой нации с какой нацией?
- Какого класса с каким классом?***

При том широком спектре полов, которым отличается *homo sapiens*, это "какого пола с каким полом" звучит просто анекдотично.

Для Ленина в сфере его политической деятельности есть только одна фигура, свободная от необходимости соглашаться с Лениным, — это он сам. И лишь за собой оставляет он

* Теперь "мировая буржуазия" заменяется, правда, "мировой реакцией", ЦРУ и т.п. (Д.Ш.)

** Ленин В.И., ПСС, т. 39, стр. 285-288.

*** Выделено Лениным.

право "критиковать не нравящееся — священное право всякого публициста"; с е б е он позволяет иронические реплики по адресу "старых книг" (Маркса и Энгельса), которые табу для всех других; с а м о н ни из чего не делает "божка": ни из какого бы то ни было народного, классового, партийного, цекистского или коминтерновского большинства, ни из революции (см. письма марта 1917 года), ни из собственных обязательств и утверждений, ни из старых друзей и вчерашних — для себя же — авторитетов, ни из чьих бы то ни было гражданских и личных прав, ни из партийного единства...

Для опутанного же сетями цензуры общества — полный контроль за тем информационным пайком, который этому обществу предназначается:

"Н.Т. Горбунову

Поручаю Вам проверить, на основании каких законов и правил зарегистрировано в Москве, как сообщается в "Известиях" от 5/II, свыше 143 частных издательств, каков личный состав ответственных за каждое издательство администрации... и редакции, какова их гражданская ответственность, равно ответственность перед судами вообще, кто заведует этим делом в Госиздате, кто ответственен за это.

Переговорите также секретно о том, в чем состоит и как организован надзор за этим делом со стороны Наркомюста, РКИ и ВЧК. Все строго конфиденциально. Приготовьте мне ответ, хотя бы предварительный к среде.

6.2.1922 г."*

Для себя — оперативнейшая возможность следить за всем тем, что печатается за границей (и строжайше запрещено к рас-

* Ленин В.И., ПСС, т. 54, стр. 155-156.

пространению внутри страны). Для других – духовное рабство. И даже хуже:

”Мы должны сказать, что должны погибнуть ... те, кто хотел погубить нас и о ком мы считаем, что они должны погибнуть ...” (разрядка моя – Д.Ш.) *

Это сказано не в ситуации ”военного коммунизма”, а в цветении ”либерального” НЭПа, сказано не в последний раз.

Для других человек, постоянно использовавший право подданного Российской империи на посещение заграницы, требует введения смертной казни ”за самовольное возвращение из-за границы”.

В письме к Курскому Ленин развернуто формулирует варианты знаменитой статьи 58-10-11 УК РСФСР, поставившей ГУЛАГу миллионы заключенных:

”Вариант 1:

Пропаганда или агитация или участие в организации и содействие организациям, действующие (пропаганда и агитация) в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к насильственному ее свержению, путем ли интервенции или блокады или шпионажа или финансирования прессы и тому подобными средствами, карается высшей мерой наказания, с заменой, в случае смягчающих вину обстоятельств, лишением свободы или высылкой за границу”.

”Вариант 2:

а) Пропаганда или агитация, о б ъ е к т и в н о с о -

* Ленин В.И., ПСС, т. 44, стр. 167.

действующей той части международной буржуазии, которая и т.д. до конца.

б) Такому же наказанию подвергаются виновные в участии в организациях или в содействии организациям или лицам, ведущим деятельность, имеющую вышеуказанный характер (деятельность коих имеет вышеуказанный характер)”.

Заметьте: ”пропаганда или агитация”, ”финансирование прессы” (гласность!) и одно только ”направление помощи” силам, отвергающим ”коммунистическую систему собственности”, заслуживает расстрела или, в лучшем случае, насильственного лишения родины. При этом понятие ”коммунистическая система собственности” по сей день остается такой же загадкой, какой оно было при Ленине, имея бесчисленное множество толкований.

”Вариант 2б:

Пропаганда или агитация, объективно содействующие или способные содействовать той части международной буржуазии, которая и т.д. до конца”. *

Однако и этим не исчерпываются партийные представления ю р и с т а Ульянова-Ленина о правосудии и юридическом праве.

В преамбуле к приведенным выше наброскам Ленин пишет Курскому:

”Суд должен не устранить террор, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас. Формулировать его надо как можно шире,

* Ленин В.И., ПСС, т. 45, стр. 189-191.

и бо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого" (разрядка моя — Д.Ш.).*

И это тоже писалось не в экстремальных условиях военного коммунизма", а в середине "либерального" 1922-го года.

Два юриста, Ленин и Курский, не могли не понимать, что приведенная выше формула означает узаконение неправовой системы взаимоотношений между человеком (группой) и государством. Точно так же, как преданность интересам партии освобождает ее функционера от "химеры совести", так и малейшее несоответствие партийным критериям гражданской благонадежности ставит человека вне права. Но Ленину и этого кажется мало. Он оговаривает возможность для советских охранно-карательных органов отступать и от этого законоподобия: резолюция IV Съезда Советов "О законности"*** признает неизбежным принятие экстренных мер, не предусмотренных в действующем законодательстве или отступающих от него. Это "отступление" (от беззакония, именуемого законом, в сторону беззакония, законом не именуемого), должно сопровождаться "немедленным сообщением заявления в письменной форме в Совнарком с копией для заинтересованных властей" и с сохранением для пострадавших "права обжалования". Поскольку речь шла в приведенном документе в основном о терроре против действительных или мнимых врагов советской власти, то можно оценить как эффективность обжалования со стороны "экстренно" пострадавших

* Ленин В.И., ПСС, т. 45, стр. 190.

** Ленин В.И., Соч., изд. III, т. 23, стр. 534. Примечательно, что ни в IV издании Сочинений Ленина (т. 27, стр. 143-174), ни в ПСС (т. 36, стр. 89-123 и 539-541), в материалах, посвященных IV съезду Советов, резолюции "О законности" нам обнаружить не удалось.

давших, так и пользу "немедленного сообщения заявления" о собственных беззакониях пост фактум со стороны карателей. Пресловутое распоряжение Политбюро (1937) о применении "чрезвычайных мер допроса" по отношению к "врагам народа" было всего лишь своевременным напоминанием о ленинском подходе к вопросу. Ленин, кстати, отлично знал, о чем идет речь, когда обеспечивал своим исполнителям в области государственной безопасности лазейки для полного беззакония. На митинге-концерте сотрудников ВЧК 7 ноября 1918 г. он говорил о "тяжелой деятельности" чрезвычайных комиссий:

"Не только от врагов, но часто и от друзей мы слышим нападки на деятельность ЧК... естественно, что ошибки чрезвычайных комиссий больше всего бросаются в глаза. Обывательская интеллигенция подхватывает эти ошибки, не желая вникнуть в суть дела... Мы же говорим: на ошибках мы учимся... Дело, конечно, не в составе ЧК, а в характере деятельности их, где требуется решительность, быстрота, а главное — верность".*

Нетрудно представить, что означают "ошибки" ЧК, насколько они поправимы для их объектов и как понимает здесь Ленин слово "верность": отнюдь не как безошибочность действия, а как верность п а р т и и .

Или:

"На каждую сотню наших ошибок, о которых кричит на весь свет буржуазия и ее лакеи... приходится 10.000 великих и геройских актов... Но если бы даже дело обстояло наоборот... если бы даже на сто наших правильных актов приходилось 10.000 ошибок, то все-таки наша революция... велика и непобедима"***

* Ленин В.И., ПСС, т. 37, стр 173-174.

** Там же, стр. 61. В не так давно вышедшей в Англии истории ле-

Вот что пишет Ленин Зиновьеву:

”Г. Зиновьеву. Также Лашевичу и другим членам ЦК, 26. VI. 1918.

Тов. Зиновьев! Только сегодня мы услышали в ЦК, что в Питере р а б о ч и е хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы (не Вы лично, а питерские цекисты или пекисты) удержали.

Протестую решительно!

Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, т о р м о з и м революционную инициативу масс, в п о л н е правильную.

Это не-воз-мож-но!

Террористы будут считать нас тряпками. Время архивное. Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего р е ш а е т.

Привет! Ленин.

П.С. Отряды и отряды: используйте победу на пере-выборах. Если питерцы двинут тысяч 10-20 в Т а м б о в с к у ю губернию и на Урал и т.п. и себя спасут и всю революцию в п о л н е и н а в е р н о е . Урожай гигантский, дотянуть только несколько недель”.*

Обычно цитируют (если цитируют) выдержки из этого письма, опуская ”постскрипtum”; на первый взгляд, незначительный. Однако последние строки письма имеют зловещий

нинской ЧК (George Leggen, *The Cheka: Lenin's Political Police*, Oxford. Clarendon Press P.H. 1986), труде строгойше документированном и, по западному академическому обыкновению, чуждом всяких эмоций, есть ужасающее перечисление пыток, систематически, повсеместно, в рабочем порядке применявшихся конкретными филиалами этой организации...

* Ленин В.И., ПСС, т. 50, стр. 106. (Выделено Лениным.)

смысл: Ленин предполагает сперва задушить террором недовольство в столицах, а потом двинуть рабочих в села ("и себя спасут", т.е. прокормят, "и всю революцию", т.е. большевистскую власть). Членам реквизиционных отрядов разрешалось брать с собой на прокорм семьи, о чем Ленин напоминал в ряде речей и обращений, а также посылать по две продовольственные посылки в месяц домой (что другим гражданам было строжайше запрещено!).

На X съезде РКП(б) (см. стенограмму съезда, изданную в 1963 году в Москве) отчетливо будут представлены все перипетии возглавленного и вдохновленного Лениным продовольственного террора. Но тогда Ленин не сочтет полезным для партии спасать продовольственников и активистов ни от самосуда крестьян, ни от трибунала (по жалобам крестьян). Напрасно Цюрупа, глава Наркомпрода, будет кричать с трибуны: "Как же можно отнять хлеб у голодных, не применяя насилия?" И будет требовать, чтобы в губернии и уезды не рассылался циркуляр ЦК о привлечении наркомпродовцев к уголовной ответственности за применение насилия. Но циркуляр разошлут, потому что Ленину необходимо отвести от себя, от партии крестьянское возмущение и переадресовать его наркомпродовцам: мавр сделал свое дело, — мавр может уйти. И Цюрупа с его коллегами по Наркомпроду напрасно будут рассказывать съезду о самосудах, о самоубийствах наркомпродовцев — как раньше другие напрасно рассказывали и писали Ленину о порках крестьян за не сдачу хлеба, о расстрелах и о других преступлениях, канонизированных позднее в качестве "крайностей" "военного коммунизма".

Ленин отмахнется от упреков Цюрупы несколькими репликами о том, что:

"...ряд тюменских продовольственных работников был расстрелян за порки, пытки, изнасилования и другие уголовные преступления. Следовательно, в данном

случае никак нельзя ставить это в связь с продовольственной работой, а нужно видеть в этом проявление прямо уже уголовных безобразий, кои в обстановке, в которой происходит продовольственная работа, требуют кары свыше обыкновенной. Так что с этой стороны мера была применена, несомненно, правильная”.*

В годы ”военного коммунизма” Ленин был глух к этим жалобам. Тогда он метал испепеляющие молнии в десятках писем и телеграмм.

”Телеграмма Пензенскому Губисполкому
14.VIII. 1918 г.

Пенза Губисполком Минкину

Получил на вас две жалобы: первая, что вы обнаруживаете мягкость при подавлении кулаков. Если это верно, то вы совершаете великое преступление против революции. Вторая жалоба, что вы сокращаете агитацию, уменьшаете тираж листов, жалуетесь на недостаток денег. Мы не пожалеем сотни тысяч на агитацию. Требуйте денег срочно от ЦИКА, не д о с т а т к а д е н е г н е б у д е т , такие отговорки не примем.

Предсовнаркома Ленин”.

(Вот одна из статей расхода немецких денег — на большевистскую агитацию в голодной, истекающей кровью в братоубийственной смуте стране). **

* Ленин В.И., ПСС, т. 43, стр. 74.

** См., например, публикацию Е.Кожевникова, ”Ленин и немецкие деньги (по архивным материалам 1917-1918 гг.)”, Посев, 1977, № 12.

”Телеграмма Ливенскому исполкому
20.VIII. 1918 г.

Копия военкому Семашке и организации коммунистов.

Приветствую энергичное подавление кулаков и белогвардейцев в уезде. Необходимо ковать железо пока горячо и, не упуская ни минуты, организовать бедноту в уезде, конфисковать весь хлеб и все имущество у восставших кулаков, повесить зачинщиков из кулаков, мобилизовать и вооружить бедноту при надежных вождях из нашего отряда, арестовать заложников из богачей и держать их, пока не будут собраны и ссыпаны в их волости все излишки хлеба. Телеграфируйте исполнение. Часть образцового железного полка пошлите тотчас в Пензу.

Предсовнаркома Ленин”.*

Заметьте: ”весь хлеб”, а не мифические ”излишки”.

”9 августа 1918 г. Москва.

Телеграмма

Пенза Губисполком,
копия Евгении Богдановне Бош.

Получил вашу телеграмму. Необходимо организовать усиленную охрану из отборных надежных людей, провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев. Сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города. Экспедицию пустить в ход. Телеграфируйте об исполнении.

Предсовнаркома Ленин”.

(К а р а т е л ь н у ю экспедицию — а через три года после-

* Ленин В.И., ПСС, т. 50, стр. 143-144.

дует циркуляр о возмездии продотрядчикам, применявшим "насилие").

К этому письму приложена директива за подписями Ленина, наркомпрода Цюрупы и наркомвоена Склянского, которая содержит и такой пункт:

"...Заложники отвечают жизнью за точное, в кратчайший срок, исполнение наложенной контрибуции. Общее количество излишков по волости определяется предгубисполкомом и губпродкомиссариатом на основании данных об урожае 1918 года и об остатках хлебов от урожаев прошлых лет. Мера эта должна быть проведена решительно, стремительно и беспощадно за вашей, губпродкомиссара и военкомиссара ответственностью, для чего указанным лицам даются соответствующие полномочия". *

...Наслаждаясь открывшимися перед ним горизонтами "гласности", большевик-демократ Рой Медведев теперь уже в официальной советской прессе развивает свою любимую мысль: в тяжелейших условиях гражданской войны, когда "диктатура пролетариата" отчаянно боролась за свое выживание, Ленин был вынужден (с тяжелым сердцем, против собственной воли) прибегнуть к насилию против насильников. Как только непосредственная угроза существованию советской власти отпала, Ленин с чувством величайшего облегчения вернулся к самой широкой социалистической демократии. Началом этого поворота стало введение НЭПа. Так говорит не один Рой Медведев. Та же концепция пронизывает почти всю "перестроечную" публицистику. Но как совмещается с этим

* Ленин В.И., Соч., изд. III, т. 29, стр. 489-490. (ПСС, т. 50, стр. 143-144.) Ни в IV издании сочинений Ленина, ни в ПСС эта дополнительная директива к ленинской телеграмме Е.Б. Бош не прилагается. Е.Б. Бош застрелилась в 1925 году.

нижеследующий ленинский документ, относящийся не к "военному коммунизму", а к НЭПу (не к террористической продразверстке, а к либеральному продналогу):

"4/VIII.

г. Фрумкин!

Все дело теперь, видимо, в быстром сборе продналога.

Не следует ли дополнительно к сделанному предпринять еще нечто в таком роде:

1) усилить военчасти (в Моск. губ. двинуть на это $1/2$ курсантов, т.е. их откомандировку на продработу?

2) — то же, особенно в губерниях Московской и соседних с ней?

3) Кормить эти части (и продотряды, называемые теперь, кажись, как-то иначе: "милиция, содействующая сбору продналога" или в этом роде?) на счет местных крестьян по 2 фунта в день? по 3 фунта в день?

Не хотите этого, товарищи крестьяне? Давайте скорее хлебналог. Как только дадите 50-75%, начнем вводить!

4) постановить (или, может быть, вместо "постановления" провести в виде опыта и для образца в Московской губернии);

тогда же примерно и архистрого наказать по 10 богатым и богатым крестьян на волость за опоздание, хотя бы малейшее, с продналогом или за вялое поступление продналога;

— — — тоже — примерно наказать 1 волость на уезд, или 2-3 на губернию, за вялость поступления продналога?

5) дать премию за сбор 100% налога (хлеба) в 2-3 не-

дели. Премию чем? з о л о т ы м и и с е р е б р я н ы - м и вещами. Возьмем в Гохране.

б) мобилизнуть на сбор продналога в М о с к о в - с к о й губернии еще 2-3 сотни наиболее ответственных членов партии хотя бы для н а л е т о в (проверки, нажима) по два дня в неделю?

С ком. приветом Ленин”.*

Напомним, что 1921 год был для крестьян смертельно голодным, что хлеба посеяно было недостаточно (для обеспечения и себя, и государства). К тому же в ряде регионов страны разразился катастрофический неурожай. Но методы изъятия хлеба (пусть и в пределах налога) остаются военными, с неограниченными полномочиями для экспроприаторов, с требованием ”примерных и архистрогих наказаний” — даже не за отказ от сдачи налога, а за малейшее опоздание или ”вялость” (?). Переименование продотрядов на новый лад Ленин считает не имеющим никакого значения словесным трюком. Реквизиторов должна вдохновлять не идея, а корысть, выгода: увеличение (на фоне общего голода) хлебной ”пайки” для заготовителей (за счет крестьян) и даже награждение особо умелых сборщиков хлеба золотым и серебряным ”конфискатом” (бытовал в то время и такой термин) — плата за жестокость и риск.

Симптоматично и привлечение ответственных коммунистов к реквизиционным ”налетам”. Я не знаю, чего в этом ленинском документе больше: абсолютного антидемократизма или безнравственности? Неслучайно ленинская директива Фрумкину была впервые опубликована в СССР в страшном 1933 году...

Некоторые ленинские карательно-профилактические распоряжения производят впечатление чудовищного гротеска:

* Ленин В.И., ПСС, т. 53, стр. 92-93. (Разрядка Ленина.)

”В Нижегородский совдеп Г.Ф. Федорову.
9.VIII.1918 г.

В Нижнем явно готовится белогвардейское восстание. Надо напрячь все силы, составить тройку диктаторов, навести тотчас массовый террор, расстрелять и вывезти сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т.п.

Ни минуты промедления. Надо действовать вовсю: массовые обыски. Расстрелы за хранение оружия. Массовый вывоз меньшевиков и ненадежных. Смена охраны при складах, поставить надежных.

Ваш Ленин”.*

О том, что все эти распоряжения — отнюдь не стилистические гиперболы, свидетельствует хотя бы следующее дополнительное распоряжение: **

”12 августа 1918 г. Москва.
Пенза, губисполком, Бош.

Получил вашу телеграмму. Крайне удивлен отсутствием сообщений о ходе и исходе подавления кулацкого восстания пяти волостей. Не хочу думать, чтобы вы проявили промедление или слабость при подавлении и при образцовой конфискации всего имущества и особенно хлеба у восставших кулаков”.

Видит ли Ленин голодную смерть детей за этими своими бесчисленными приказами отобрать весь хлеб у сопротивляющихся продразверстке и не имеющих никаких хлебных ”излишков” людей, которых он именует ”кулаками”?

* Ленин В.И., ПСС, т. 50, стр. 142-143.

** Там же, стр. 149.

А вот один из несметных примеров ленинской послеоктябрьской "демократизации" армии:

"В Красной Армии после долгомесячного митингования * дисциплина была такова, что не уступала дисциплине прежней армии. В ней применялись строгие, суровые меры, доходящие до расстрелов, которых не видело даже прежнее правительство. Мещане писали и вопили: "Вот большевики ввели расстрелы". Мы должны сказать: "Да, ввели и ввели вполне сознательно".

...И мы говорим, как говорили в армии: "либо погибнуть всем, кто хотел погубить нас, и тут мы будем применять самые суровые меры дисциплины, либо мы спасем страну, и будет жить наша республика". **

"Либо-либо", а результат один: победа большевиков...

До октября 1917 года из статьи в статью, из речи в речь Ленина (особенно в адресованных воюющей русской армии его выступлениях) кочует лозунг немедленного роспуска постоянной армии и замены ее "поголовным вооружением всего народа". Что же говорит Ленин о поголовном вооружении всего народа после прихода к власти?

"Телеграмма совнаркому Украины
26.V.1919 г.

Декретируйте и проведите в жизнь полное обезоружение населения, расстреливайте на месте беспощадно за всякую сокрытую винтовку. Весь гвоздь момента:

* Следовало бы добавить объективности ради: "после долгомесячного спровоцированного нами митингования"... А потом "мы" эту разложенную нами же, и сознательно, армию стали учить нормальной воинской дисциплине расстрелами.

** Ленин В.И., ПСС, т. 44, стр. 155-175.

быстрая победа в Донбассе, сбор всех винтовок из деревень, создание прочной армии. Сосредоточьте все свои силы на этой задаче, не ослабляйте энергии, мобилизуйте рабочих поголовно. Прочтите эту телеграмму всем видным большевикам.

Ленин".*

Так было "похоронено в гроб" (как любил выражаться Иосиф Виссарионович) право народов России на государственное отделение, а заодно, по необходимости, и "поголовное вооружение всего народа". Кстати, разоружают, расстреливая "беспощадно на месте за всякую сокрытую винтовку" не только украинских селян, но и уральских пролетариев:

"Телеграмма Реввоенсовету Востфронта
17.VII.1919 г.

Симбирск Реввоенсовет Востфронта.

Поздравляю с победами. Следует принять особые меры: первое, для нерастаскивания оружия уральскими рабочими, чтобы не развилось у них губительной партизанщины, второе, для того, чтобы сибирская партизанщина не разложила наших войск...

Ленин".**

"Дополнение к декрету Совета Народных Комиссаров:
"Социалистическое отечество в опасности".

Все, имеющие оружие, должны получить новое разрешение: а) от местного своего домового комитета; б) от учреждений, указанных в параграфе 2. Без двух разрешений иметь оружие запрещено; за нарушение этого правила кара — расстрел.

* Ленин В.И., ПСС, т. 50, стр. 324.

** Там же, т. 51, стр. 18.

Та же кара за сокрытие продовольственных припасов”.*

Те, кто по-прежнему пребывают в ”силовом поле” ленинизма, любят цитировать два ленинских высказывания по национальному вопросу. Они приводят эти высказывания как примеры ленинского пролетарского интернационализма и принципиальности Ленина. Первое высказывание относится к знаменитому грузинскому инциденту конца 1922 года, когда Орджоникидзе при обсуждении в ЦК компартии Грузии вопроса о государственном статусе Грузии дал по физиономии одному из видных членов грузинского ЦК. Ленин был возмущен этой, как он выразился, ”биомеханикой”, коей попустительствовали и Дзержинский, и Сталин.

Он объяснил этот инцидент присущим Сталину, Дзержинскому и Орджоникидзе... ”истинно русским настроением (известно, что обрусевшие инородцы всегда пересаливают по части истинно русского настроения) ... беспристрастие всей комиссии достаточно характеризуется ”рукоприкладством” Орджоникидзе. Я думаю, что никакой провокацией, никаким даже оскорблением нельзя оправдать этого русского рукоприкладства, и что тов. Дзержинский непоправимо виноват в том, что отнесся к этому рукоприкладству легкомысленно”.**

Но не надо думать, что Ленина возмутил сам факт рукоприкладства, иначе как же совместить с этим предположением хотя бы следующее:***

”Стоит ли отвечать на избиение Домбаля Дашинским и Ко? Если отвечать, то избиением Дашинского без выстрелов, без поранения, только так. Это, может

* Ленин В.И., ПСС, т. 35, стр. 359-360.

** Там же, т. 45, стр. 358.

*** См. письма польским коммунистам от 19.10.1921 г. ПСС, т. 44, стр. 180-181.

быть, стоит, раз получится успешная выучка наглеца рабочими, подъем их духа, жертва (тюрьмой или расстрелом) 5-10 рабочих. Но, может быть, и этого не стоит: полезнее для агитации среди крестьян, что нашего Домбалья зверски избили? Может быть, это лучше повернет симпатии отсталых крестьян к нам, чем мордобой Дашинскому? Надо взвесить потщательнее.

С коммунистическим приветом Ленин”.

В том же письме есть и такие строки:

”Если 100-300 человек убьет буржуазия, это не загубит дела. Но если она сможет, спровоцировав бойню, убить 10-30 тысяч рабочих, это может задержать революцию даже и на несколько лет”.

Вот если бы это ускорило революцию, — тогда другое дело. Тогда и мировая война с ее миллионами жертв желательна, и борьба против нее становится преступлением. Человек, столь бесстрастно-рассчетливо относящийся к жизни и смерти других людей, неспособен ужаснуться пощечине. Его негодование есть только тактическая поза, не более.

На фоне приведенных выше ленинских телеграмм и писем рукоприкладство Орджоникидзе выглядит жалким кустарничеством. Более того: легко доказать, что внимание Ленина к этому эпизоду проистекает, в первую очередь, из его тогдашнего (конец 1922-го года) намерения приструнить Сталина, явно прибирающего к рукам инициативу в ЦК, и помогающего ему в этом Дзержинского.

Напомню: когда на съезде РКП(б) было доложено, что за годы завоевания большевиками Туркестана (1918-1921 гг.) там погибло 35% его населения, у Ленина это тревоги не вызвало (см. стенограммы X и XI съездов РКП(б)). Не знаю, били

ли там по физиономиям ответственных коммунистов или нет, но убивали даже детей, если родители оказывались сепаратистами. Да, действительно, до октября 1917 г. Ленин не переставал говорить о праве наций на самоопределение. Но уже в период Брестского мира (весна 1918 года) он заявил открыто и однозначно: "Интересы социализма, интересы мирового социализма выше права наций на самоопределение". *

Вот более развернутое возражение Ленина по поводу права наций на самоопределение.

"Теоретически рассмотрим этот довод: что выше — право наций на самоопределение или социализм?

Социализм выше.

Позволительно из-за нарушения права наций на самоопределение отдавать на съедение советскую социалистическую республику, подставлять ее под удары империализма в момент, когда империализм заведомо сильнее, советская республика заведомо слабее?

Нет. Не позволительно. Это не социалистическая, это буржуазная политика". **

Оказывается, для буржуазии право наций на самоопределение существует.

Когда Горбачев объявляет себя и своих соратников продолжателями национальной политики Ленина и одновременно многократно предупреждает, что ни один из народов СССР не выйдет из социалистического "содружества" наций, он действительно последовательный ленинец: "Интересы социализма выше права наций на самоопределение".

Обратимся к ленинской международной политике. На VII-м экстренном съезде РКП(б) (март 1918 года) в своем

* Ленин В.И., Соч., изд. III, т. 23, стр. 14.

** Ленин В.И., ПСС, т. 35, стр. 352.

выступлении против поправок Троцкого к резолюции о войне и мире (и в дополнении к этому выступлению) * Ленин предлагает особо оговорить, что

”...съезд дает полномочия ЦК партии как порвать все мирные договоры, так и объявить войну любой империалистической державе и всему миру, когда ЦК партии признает для этого момент подходящим.

Это полномочие порвать договоры в любой момент мы должны дать ЦК, но это никоим образом не значит, что мы порываем сейчас, в том положении, которое сегодня существует. Сейчас мы ничем не должны себе связывать рук”.

И далее:

”Съезд признает необходимым не публиковать принятой резолюции и обязывает всех членов партии хранить эту резолюцию в тайне. В печать дается только — и притом не сегодня, а по указанию ЦК — сообщение, что съезд за ратификацию.

Кроме того, съезд особо подчеркивает, что Центральному Комитету дается полномочие во всякий момент разорвать все мирные договоры с империалистскими и буржуазными государствами, а равно объявить им войну”.

Итак, не правительство СССР (т.е. не высшая советская инстанция), а ЦК партии решает судьбы всех уже заключенных фактически тем же ЦК договоров. Ленин никогда не признавал приоритета каких бы то ни было советских инстанций над инстанциями партийными. Более того:

* Ленин В.И., ПСС, т. 36, стр. 37, 38, 40.

как мы только что видели, решения партии могли (и могут) быть секретными для советов. (Да и всей ли партии?)

В своей брошюре "Детская болезнь левизны в коммунизме" (май 1920 г.) Ленин пишет:

"Соотношение вождей — партии — класса — масс, (...) представляется у нас теперь конкретно в следующем виде. Диктатуру осуществляет организованный в Советы пролетариат, которым руководит коммунистическая партия большевиков, имеющая по данным последнего съезда (IV.1920) 611 тыс. членов.

Партией, собирающей ежегодные съезды (последний: 1 делегат от 1000 членов), руководит выбранный на съезде Центральный Комитет из 19 человек, причем текущую работу в Москве приходится вести еще более узким коллегиям, именно так называемым "Оргбюро" (Организационному бюро) и "Политбюро" (Политическому бюро), которые избираются на пленарных заседаниях Цека в составе пяти членов Цека в каждое бюро. Выходит, следовательно, самая настоящая "олигархия". Ни один важный политический или организационный вопрос не решается ни одним государственным учреждением в нашей республике без руководящих указаний Цека партии".

Слово "олигархия" взято в кавычки незаслуженно. Но Ленин не останавливается и на олигархии, ибо его личное место в реальности "диктатуры пролетариата" требует еще одной оговорки. Обзывавший в 1918 году Карла Каутского "парламентским кретином" за высказанный тем тезис о невозможности для пролетариата управлять "своим" государством без помощи партии, в 1920-м году, в той же брошюре "Детская болезнь левизны в коммунизме", Ленин пишет:

”Одна уже постановка вопроса: ”диктатура партии и л и диктатура класса? диктатура (партия) вождей и л и диктатура (партия) масс?” свидетельствует о самой невероятной и безысходной путанице мысли. Люди т щ а т с я п р и д у м а т ь нечто совсем особенное и в своем усердии мудрствования становятся смешными. Всем известно, что массы делятся на классы; ... что классами руководят обычно и в большинстве случаев, по крайней мере в совр. цивилизованных странах, политические партии; — что политические партии в виде общего правила управляются более или менее устойчивыми группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, выбираемых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями. Все это азбука. Все это просто и ясно”. *

Еще ранее, в 1918 году, Лениным было сказано:

”...никакого принципиального противоречия между советским (т.е. социалистическим) демократизмом и применением диктаторской власти отдельных лиц н е т ”.

Или:

”...всякая крупная машинная индустрия — т.е. именно материальный, производственный источник и фундамент социализма — требует безусловного и строжайшего е д и н с т в а в о л и , направляющей совместную работу сотен, тысяч и десятков тысяч людей. ...Но как может быть обеспечено строжайшее единство воли? Подчинением воли тысяч воле одного”. **

Эти и им подобные рассуждения Ленина есть несомненная дань реальным потребностям созданного им строя.

* Ленин В.И., ПСС, т. 41, стр. 1-104.

** Там же, т. 36, стр. 199-200.

Для тех, кому грезится в ленинской государственной политике "власть Советов", еще одна оговорка: Ленин не делает в приведенной выше схеме различия между многопартийной и однопартийной ситуациями. Умолчание это объясняется отнюдь не рассеянностью, неведением или наивностью пишущего. Это расчетливый дезинформирующий шаг, вполне соответствующий политической этике Ленина.

Что же касается надежности международных договоров, заключаемых последовательными ленинцами, ее исчерпывающе определил сам Ленин. Повторим:

"Центральному Комитету дается полномочие во всякий момент разорвать все мирные договоры с империалистскими и буржуазными государствами, а равно объявить им войну".

Но возвратимся к ленинской национальной политике.

Еще одно популярное "интернационалистское" высказывание Ленина звучит так:

"Записка в Политбюро о борьбе с великодержавным шовинизмом.

Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть. Как только избавлюсь от проклятого зуба, съем его всеми здоровыми зубами.

Надо абсолютно настоять, чтобы в союзном ЦИКе председательствовали по очереди —

русский,
украинец,
грузин и т.д.

А б с о л ю т н о !

6.X.1922.

Ваш Ленин"*

* Ленин В.И., ПСС, т. 45, стр. 214.

Именно в таком виде его теперь и цитируют (хотя до 1954 года цитировали немного иначе). Даже А.Авторханов находит в этом высказывании Ленина умиляющий его пролетарский интернационализм.

Но ведь в V издании сочинений Ленина (псевдополном) представлен не весь текст записки Ленина в Политбюро! В IV издании в том же документе после "Ваш Ленин" следует:

"Правильно! И.Сталин."

И записка эта, помещенная в т. 33 изд. IV, увидела свет впервые в газете "Правда" 21 янв. 1937 г.!*

Полный текст "интернационалистского" документа от 6/X-22 г. свидетельствует о том, что авторов было два и что второго автора такая форма "интернационализма" (чередование национального происхождения функционеров ЦК, председательствующих во ВЦИКе) очень устраивала. Недаром он опубликовал эту записку (вместе со своей "резолуцией") в роковом для старых большевиков 1937 году: она ни в чем не осложняла его политики!

А как расценивать с точки зрения права наций на самоопределение такой ленинский документ:

"Телеграмма Украинскому советскому правительству
5.V.1919 г.

Киев, Раковскому, Антонову, Подвойскому

От вас до сих пор ни одного точного, фактического ответа, какие части двинуты в Донбасс, сколько ружей, сабель, пушек, на какой станции передовые эшелоны. Взятие Луганска доказывает, что правы те, кто обвиняет вас в самостоятельности и в устремлении на Румынию. Пой-

* Ленин В.И., Соч., изд. IV, т. 33, стр. 335.

мите, что вы будете виновны в катастрофе, если запоздаете с серьезной помощью Донбассу

Ленин

Прошу вернуть мне с пометкой: шифром послано — часов — минут.

С п е ш н о .

5.V. Ленин".*

Не предстает ли здесь "самостийность" украинского партийного руководства в изложении Ленина величайшим грехом и виной?

С л о в о для Ленина — орудие тактики, которое никогда не казалось ему чем-то, что обязывало бы его к определенному поведению в будущем. Он без колебаний изменял всему прежде сказанному и написанному ради тактического успеха.

В 1905 году, на V (Лондонском) съезде единой (на короткое время) РСДРП, при выдвижении кандидатур в президиум съезда меньшевики опротестовали кандидатуру Ленина. Они сослались на привлечение Ленина в минувшем году к партийной судебной ответственности за клевету на коллег по партии. Ленин повторил перед съездом свою оправдательную речь на этом суде.**

"...если бы в разбираемом месте брошюры было сказано: 31 выступили для п р и с о е д и н е н и я к кадетским голосам голосов рабочих при условии места в Думе для с.-д., — тогда это был бы образчик лояльной, корректной, допустимой для членов партии полемики.

* Ленин В.И., Соч., изд. IV, т. 35, стр. 335. (Разбивка моя — Д.Ш.) В ПСС нам эту телеграмму отыскать не удалось.

** Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. "Протоколы". Государственное издательство политической литературы. Москва, 1963, стр. 674-684.

Чем отличается от этой формулировки та, которая выбрана мной? Она отличается тоном, делающим всю музыку”.

Именно тон, по мнению Ленина, и помог ему представить предвыборный компромисс двух оппозиционных партий как ”торговлю” с их стороны ”местечками” в Государственной Думе — за счет рабочих и в пользу буржуазии.

Он обстоятельно объясняет коллегам по партии, что методы ”истребительной полемики”^{*} вполне естественны между политиками и что рассчитаны эти методы не на выяснение истины, а на то, чтобы вызвать у слушателей отвращение к оппоненту раньше, чем слушатели поймут суть спора.

”Существуют ли пределы допустимой борьбы на почве раскола? Партийно допустимых пределов такой борьбы нет и не может быть, ибо раскол есть прекращение существования партии. Пределы борьбы на почве раскола — это не партийные, а общеполитические или, вернее даже, общегражданские пределы, пределы уголовного закона и ничего более”.

Можно себе представить, каковы в таком случае пределы м е ж д у п а р т и й н о й и ”классовой” борьбы в системе этических представлений Ленина.

У ленинской полемической этики и тактики два критерия допустимости: партийная целесообразность и ”пределы уголовного закона”. Как только уголовное законодательство тоже начало определяться партийной целесообразностью, всякие ограничения для Ленина и его преемников в этом плане исчезли.

^{*} Термин Ленина, употребленный им в этой речи.

После таких признаний, сделанных с полной и невозмутимой откровенностью, можно ли принимать всерьез ленинские характеристики его противников? Ленинская политическая "полемика" строится так: создается словесный муляж объекта атаки; ему придаются необходимые (для нападающего) черты; муляж поднимают за шиворот перед аудиторией, завоеванию коей служит "полемика", и осыпают пощечинами и бранью. Каррикатурное, гротескное, частное сходство отдельных черт муляжа с оригиналом делает избиение особенно впечатляющим. При этом слова и поступки противника (порой и не помышляющего об ответе) переводятся на язык и систему отсчета аудитории, на которую рассчитан муляж.

Следует ли доказывать, что этот метод "полемики" для коммунистической пропаганды универсален?

Муляжи, изображающие один и тот же объект пропаганды, меняются в зависимости от политической ситуации. Вспомним, как менялись маски и муляжи крестьянина в публицистике Ленина 1917-1922 годов. До прихода большевиков к власти Ленин манипулирует чаще всего нейтральным словом "крестьянин". Но в марксистской классовой схеме крестьянство вообще класс "неполноценный", а Ленин, в своем кругу, уже и в 1917 году не забывает при случае заметить, что "зажиточный крестьянин — это еще не крестьянин", и что политику его партии не определяет никакое "формальное большинство"... В 1918-1920 гг. страницы ленинских сочинений заполняет страшная кличка "кулак". Перед голодными толпами горожан и красноармейцев возникает злобная рожа мужика-кровососа, гноящего хлеб, чтобы не отдать его голодающим. В 1921 г., после введения НЭПа, муляж "кулака" исчезает как не бывало, а вместо него возникает в ленинской публицистике положительный (и симпатичный советской власти!) — "старательный крестьянин" (поздней "интенсивник"), которого следует всеми мерами поощрять к производству и свободной продаже хлеба. А те же голодные толпы, красноармейцы и прод-

отрядовцы попадают в насильники, в рвачи и хапуги, за интересами брюха своего забывающие о строительстве социализма. В 1927 году Сталин вытаскивает полузабытый муляж "кулака", и опять начинается кровавый "крестовый поход" "сознательных пролетариев" против крестьянства — окончательная колонизация большевиками сельской России.

В ленинской "истребительной" публицистике "тон, который делает музыку", задается чаще всего уже хлестким и демагогическим заголовком или подзаголовком статей: "Бесстыдная ложь капиталистов" (это по поводу реплики члена партии народной свободы министра Некрасова, осмелившегося робко выразить в апреле 1917 г. следующее опасение: "Страшна та проповедь насилия, которая ныне раздается с Каменноостровского проспекта" — резиденции большевиков).

Лозунги: "Новый обман крестьян партией эс-эров!", "Начало бонапартизма!", "Дрейфусиада!", "Политический шантаж!", "О нарушениях демократизма в массовых организациях!" — все это летом 1917 года, и все это — о робких, безвольных попытках Временного правительства, меньшевиков и эсеров-центристов спасти положение, обуздать экстремистов, разобраться в денежных связях Ленина с немецким правительством и т.д.

"Неудачная попытка гражданина Плеханова вывернуться"... "Безумные капиталисты или недоумки социал-демократы?" — это о тех самых советах, которые Ленин не раз объявлял высшей формой народовластия. "...Как рассуждают социалисты, перешедшие на сторону буржуазии", — это опять о Плеханове. Ленин не раз невозмутимо и откровенно заявлял, что не считает себя обязанным следовать истине в поединке с теми, в ком видит своих врагов.

В книге Н.Валентинова "Малознакомый Ленин"* есть такой эпизод: Ленин говорит своему коллеге по партии о

* Париж, 1972.

некоем Викторе Таратуте, женившемся на одной из сестер Н.Шмидта, племянника Саввы Морозова, ради пополнения партийной кассы ее деньгами. "Тем-то он и хорош, что ни перед чем не остановится. Вот вы, скажите прямо, могли бы за деньги пойти на содержание к богатой купчихе? Нет? И я не пошел бы, не смог бы себя пересилить. А Виктор пошел. Это человек незаменимый". И это, по представлению Ленина, хорошо, а не отвратительно.

Среди писем Ленина из эмиграции большевистскому ЦК РСДРП 1900-х годов, поразительных по своей директивной бесцеремонности и грубости, есть, например, такое:

"Г.М. Кржижановскому и В.А. Носкову
Клэру и Борису от Старика
(5 октября 1903 г. Женева).

"...Я бы очень и очень советовал вам кооптировать Конягу (Л.Е. Гальперина) и Игната (П.А. Красикова). Первого вы скоро увидите и узнаете. О втором же скажу: при войне он, ей богу, полезен и необходим; слушаться он будет вполне; от неподходящих функций его можно отстранить; про него много ходит зряшных сплетен; бояться, что он накооптирует черт знает кого, нечего, ибо мы его побережем". *

"Слушаться он будет вполне" — вот главное.

Или:

"Ф.В. Ленгнику 23 мая 1902 г. Лондон.

Итак Ваша задача теперь... просунуть своих людей в наибольшее число комитетов, сохраняя себя и своих паще зеницы ока до съезда. Это все архиважно! памятуйте это. Будьте в этом смелей, наглей и изобретательней, а в остальном потише и поосторожнее.

* Ленин В.И., ПСС, т. 46, стр. 304-305.

Мудры, как змеи — и кротки (с комитетами: бундом и Питером) — аки голуби.

Весь Ваш Старик”*

А вот — из писем 1918 года:

Сталину в Царицын:

”Будьте беспощадны против левых эсеров и извещайте чаще”. ”Повсюду необходимо подавить беспощадно этих жалких и истеричных авантюристов”.

(7 июля 1918) **

Шляпникову, в Астрахань:

”Налягте изо всех сил, чтобы поймать и расстрелять астраханских взяточников и спекулянтов. С этой сволочью надо расправиться так, чтобы на все годы запомнили” (12 декабря 1918). ***

Телеграмма в Саратов, Пайкесу:

”Расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты” (22 августа 1918). ****

Как видите, расстреливать надо даже колеблющихся. И ”расправиться так, чтобы на годы запомнили” (разумеется, не расстрелянные, а остающиеся — пока — в живых). Та же избыточность террора, призванная устрашить покоряемое большевиками общество на десятилетия вперед, будет постулирована Лениным в письме о репрессиях против священнослужителей и верующих в 1922 году (см. ниже).

* Ленин В.И., ПСС, т. 46, стр. 187.

** Там же, т. 50, стр. 114.

*** Там же, стр. 219.

**** Там же, стр. 165.

В отдел топлива Московского Совдепа:

”Дорогие товарищи! Можно и должно мобилизовать московское население поголовно и на руках вытащить из леса достаточное количество дров (по кубу, скажем, на взрослого мужчину).

Если не будут приняты героические меры, я лично буду проводить в Совете Обороны и в ЦК не только аресты всех ответственных лиц, но и расстрелы. Нетерпимы бездеятельность и халатность.

С коммунистическим приветом. Ленин” (16 июня 1920). *

Глебу М. Кржижановскому:

”Мобилизовать всех без изъятия инженеров, электротехников, всех кончивших физико-матем. факультеты и пр. Обязанность: в неделю не менее 2-х лекций, обучить не менее 10-и (50-и) человек электричеству. Исполнить — премия. А не исполнить — тюрьма” (декабрь 1920). **

В ответ на жалобу М.Ф. Андреевой относительно арестов интеллигенции:

”Нельзя не арестовывать, для предупреждения заговоров, всей этой околкадетской публики. Преступно не арестовывать ее. Лучше, чтобы десятки и сотни интеллигентов посидели деньки и недельки. Ей-ей, лучше” (18 сентября 1919). ***

* Ленин В.И., ПСС, т. 51, стр. 216.

** Там же, т. 52, стр. 38.

*** Там же, т. 51, стр. 52.

Максиму Горькому о том же:

”Короленко ведь почти меньшевик. Жалкий мещанин, плененный буржуазными предрассудками”. ”Нет, таким ”талантам” не грех посидеть недельки в тюрьме”. ”Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, интеллигентиков, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно” (15 сентября 1919).*

Сколько раз сентиментально обслонявлена в литературе и искусстве ”соцреализма” трогательная забота Ленина о великом, но строптивом (по интеллигентскому недомыслию) академике Иване Павлове?

Но вот директива Зиновьеву:

”Знаменитый физиолог Павлов просится за границу. Отпустить за границу Павлова вряд ли рационально, так как он и раньше высказывался в том смысле, что, будучи правдивым человеком, не сможет, в случае возникновения соответственных разговоров, не высказаться против Советской власти и коммунизма в России.

Ввиду этого желательно было бы, в виде исключения, предоставить ему сверхнормальный паек” (25 июня 1920).**

И еще одна цитата:

Из письма И.С. Уншлихту.***

”Гласность ревтрибуналов — не всегда; состав их усилить ”вашими” людьми, усилить их связь (вся-

* Ленин В.И., ПСС, т. 51, стр. 45.

** Там же, стр. 222.

*** Там же, т. 54, стр. 144. (Разрядка Ленина.)

ческую) с ВЧК; усилить быстроту и с и л у их репрессий, усилить внимание ЦК к этому.

...СНК сумеет это быстро провести, если Вы не прозевааете, и по телефону можно.

Поговорите еще со Сталиным и... покажите ему это письмо". (Написано между 22 и 31 января 1922 г.)

Подчеркнем еще раз: январь 1922 года — полное цветение нынешней "демосоциалистической" мечты — либерального НЭПа, а не битв "военного коммунизма". "Поговорите еще со Сталиным"...

Ленинская декларативная неразборчивость в средствах, его макиавелистское отношение к вопросам морали, его нужда в людях, готовых по его подсказке на все, не могли не группировать вокруг него либо весьма недалеких и бесхарактерных, либо достаточно нравственно неразборчивых. Волевых и принципиальных, сблизившихся с ним было в различных жизненных и политических обстоятельствах, он, как правило, быстро отталкивал и терял. Принадлежность к ленинскому крылу марксизма не может не быть предопределена некоторыми специфическими свойствами ума и характера...

Эта довольно отчетливая закономерность связана со следующим принципиальным обстоятельством: невозможно сделать даже нескольких серьезных шагов по выполнению глобально-реконструктивных рекомендаций Маркса, чтобы не убедиться в их невыполнимости. Аналитический склад ума, хорошее знание произведений Маркса и его оппонентов, знание жизни, интеллектуальная честность и простая порядочность, если они у марксиста имелись, рано или поздно приводили его к ревизии сначала реконструктивной, а потом и констатирующей части учения.

Ленин и его образованные соратники и коллеги по руководству партией прошли сквозь почти 20 лет жесточайшей пар-

тийной и межпартийной борьбы, сопровождавшейся огромной полемикой.

Тем не менее, непрестанно жонглируя марксистскими терминами, они ни разу в доводы своих оппонентов серьезно не вникли. Что заставляло Ленина, его соратников и наследников неукоснительно закрывать глаза, свои и чужие, на вопиющее несоответствие того, что они делали, тому, что намерены были, судя по их дореволюционным декларациям, делать? Несклонность и неспособность к последовательному и основательному мышлению? Нетерпение и нетерпимость? Поверхностность? Интеллектуальная и нравственная беспринципность, которая не могла не проявляться в качестве беспринципности этической и политической?

После прихода к власти возникли, разумеется, и самосохранительные, и корыстные соображения (Ленин сам находил у "членов правящей партии" эти качества). Когда мы говорим, что здравый смысл, мужество и порядочность (если бы у них эти качества были) давно привели бы наследников Ленина к отказу от марксистской доктрины, мы забываем, что только демагогическая эксплуатация этой доктрины и ее призрачных целей позволила им хоть как-то обосновывать свое право на внеконкурентную власть. Отберите у них фикции превосходства централизованно управляемой экономики над частнохозяйственной, однопартийности над политическим плюрализмом, перечеркните мираж коммунистического земного рая, который, согласно их утверждениям, можно построить только под их водительством, — и чем будет оправдана их тотальная власть?

Но возвратимся к Ленину и его окружению. Учитывая идеологическую, политическую и этическую историю РСДРП(б) — РКП(б) — ВКП(б) — КПСС, можно ли удивляться картине того морального и психического распада, которая проявилась в рядах ветеранов "ленинской гвардии" в годы сталинского террора (именно проявилась, а не возникла)? Вокруг Ленина

и должны были группироваться люди нравственно, в лучшем случае, безупречные и не слишком глубокие. Об исключениях, разумеется, не говорят, но мы их, по совести признаться, в рядах устойчивого руководства ленинской партии не знаем. Исключения прозревали и отсеивались всегда и систематически, разными способами.

Так стоит ли удивляться тому, что соратники Ленина в самый трудный миг его жизни предали и его?

6. БЕССИЛИЕ ПОБЕДИТЕЛЯ

”Главная ошибка всех нас была до сих пор, что мы рассчитывали на лучшее; и от этого впадали в бюрократические утопии. Реализовалась из наших планов ничтожная доля. Над планами смеялась жизнь, смеялись все.

Надо это в корне переделать”. (1921 г.) *

Неумение найти способы организационного овладения огромной, вырывающейся из рук машиной приводит Ленина в злое и нескрываемое отчаяние: ”наша проклятая бюрократическая машина”, ”наши гнусные нравы (с претензией на ”истинный коммунизм)”, ”бюрократическое тупоумие”, ”прозевали, проспали, дождалось, как настоящая чинодральская сволочь приказа ”начальства””; ”Умные саботажники умышленно нас затягивают в это бумажное болото. Большинство наркомов и прочих сановников ”лезет в петлю” бессознательно...”. ”Волокита возмутительная. Работа НКПС из рук вон плоха!”; ”...система коммунистических дурачков, имеющих власть и не умеющих ею пользоваться...”. ”А у нас, видимо, торговый отдел Госбанка вовсе не торговый, а такой же говенно-бюрократический, как все остальное в РСФСР (у нас такого г..., как ведомства, много)...”. ”Расстрелов тоже мало (я за расстрел по таким делам)” — речь идет о ”злоупотреблениях свободой торговли”; ”...весь состав комячейки такого-то завода или таких-то заводов объявляем виновным

* Ленин В.И., ПСС, т. 44, стр. 63.

в волоките, безрукости, в попустительстве бюрократизму”; ”впредь будем сажать за это профсоюзную и коммунистическую сволочь (суд, пожалуй, помягче выразится) в тюрьму беспощадно”. * И наконец:

”Мы не умеем гласно судить за поганую волокиту: за это нас всех и Н.К. Юст сугубо надо вешать на вонючих веревках. И я еще не потерял надежды, что нас когда-нибудь за это поделом повесят...”**

Эти и сходные филиппики против бюрократизма и толкают к созданию иконописного образа Ленина-правдолюбца, Ленина — гонителя злонамеренных бюрократов. Тем более, что Ленин обращал к работникам партийной печати и такие призывы:

”Еще более и более конкретности в изучении местного опыта, деталей, мелочей, практики, делового опыта, углубления в настоящую жизнь, и уездную, и волостную, и сельскую...”

Чем больше будет такой работы, чем больше углубляться будем в живую практику, отвлекая внимание и свое и читателей от вонюче-канцелярского и вонюче-интеллигентского московского (и совбуровского вообще) воздуха, тем успешнее пойдет улучшение и нашей прессы и всего нашего строительства...”***

Но не будем спешить. Непреложные документы свидетельствуют, что призывы ”не бояться выносить сор из избы”, не отступать перед ”голой правдой” (там же) имеют — один к одному — такой же смысл, как бесчисленные более поздние

* Ленин В.И., ПСС, т. 54, Письма 1921 г. (стр. 120, док. 209; стр. 167, док. 271; стр. 173, док. 280; стр. 88-89, док. 155 и др.).

** Там же, стр. 86-88.

*** Там же, стр. 237.

разглагольствования советских руководителей о живительной силе критики и самокритики. На все попытки окружающих хотя бы намеком привлечь внимание Ленина к о б щ и м истокам того, что он предпочитает называть "волоконитой" или "бюрократизмом", следует с его стороны один непреклонный и чуждый всяких сомнений ответ: если вы и впредь намерены отговариваться от делового подхода к вопросу какими-то "общими" соображениями, то вам несдобровать!

"Ежели вы думаете, что в РСФСР не найдется о д н о г о умного обвинителя и трех умных судей, действительно умных (не торопыг, не крикунов, не фразеров), то я вас обвиняю еще и в пессимизме насчет советской власти", — так завершается письмо о "вонючих веревках", преисполненное, казалось бы, самобичевания.

И если кто бы то ни было (лидер "рабочей оппозиции" Шляпников, или языкатые "демократические централисты", или кто-то вне партии) осмеливается затронуть в своем стремлении к "голой правде" вопросы о б щ и е , ответ для всех одинаков: "...мы на это отвечаем: "Позвольте поставить вас за это к стенке. Либо вы потрудитесь от высказывания ваших взглядов воздержаться, либо, если вы желаете свои политические взгляды высказывать при настоящем положении, ... то, извините, мы с вами будем обращаться как с худшими и вреднейшими элементами белогвардейщины".* А чуть выше сказано, что это надо иметь в виду "не только по отношению к некоторым внутрипартийным нашим делам" (иными словами, внутрипартийные разумеются сами собой), но и к таким к р и т и к а м , как меньшевики "и в с е господа из 2¹/₂ Интернационала".

Напомним: борясь против Временного правительства и небольшевистских Советов, Ленин яростно отстаивал "свя-

* Ленин В.И., ПСС, т. 45, стр. 89. (Разрядка Ленина.)

щенное право каждого публициста” ”критиковать не нравящееся”.

Нет, он не оглянулся во гневе ни разу, как ни разу не ощутил себя виноватым в чем-либо, кроме частных тактических промахов.

Да что там партийные вольнодумцы и меньшевики, если сам нарком юстиции Курский не избегает ленинского нагоняя за излишнее правдолюбие! Третьего сентября 1921 года Ленин написал Курскому письмо с требованием поскорее дать ход заявлению энергетика профессора Графтио с жалобой на волокиту в московских учреждениях. Не войдя в суть жалобы Графтио, не занимаясь ее расследованием, Ленин дает Курскому ”пять заданий”:

- ”1) поставить это дело на суд;
- 2) добиться ошельмования виновных и в прессе и строгим наказанием;
- 3) подтянуть судей через ЦК, чтобы карали волокиту строже;
- 4) устроить совещание московских народных судей, членов трибуналов и т.п. для выработки у с п е ш н ы х мер борьбы с волокитой;
- 5) обязательно этой осенью и зимой 1921-22 гг. поставить на суд в Москве 4-6 дел о московской волоките, подобрав случаи ”поярче” и сделав из каждого суда п о л и т и ч е с к о е дело...”*

Вот вам и ”плановые” процессы сталинской эры с их априори обвинительными приговорами! Четырнадцатого ноября того же года Курский докладывает Ленину о ходе дела и пишет, в частности, следующее:

* Ленин В.И., ПСС, т. 53, стр. 164-165. (Выделено Лениным.)

”Приходится с большим трудом выделять процессы, в которых этот организационный дефект (подразумевается громоздкость и бюрократическая сложность нашего аппарата, междуведомственные взаимоотношения, трения и т.д.) не сказывается так решительно и волокита является деянием лиц, а не объективным следствием неналаженности нашего аппарата”.*

Двадцатого ноября Ленин получает второе сообщение от Наркомюста (за подписью Красикова), отрывок из коего сам же цитирует во втором письме Курскому от 17.1.1922 г.:

”...доклады следователей ”по чрезвычайно важным делам” — Вьюкова, Ройзмана и сотрудника РКИ — Кедрова — поистине открывают Америку. В этих докладах в довольно безграмотной форме излагаются шаблонные истины о бюрократизме, сложности аппарата и т.д., и т.д.”**

Выводы РКИ и следователей ”по чрезвычайно важным делам” решительно возмущают Ленина. Так и не ознакомившись с делом, он категорически настаивает на выполнении предыдущей своей директивы и пишет:

”...Одним словом, видно, что дело по борьбе с волокитой ни на йоту не сдвинулось с места.

По существу я не получил исчерпывающего ответа ни на одно из тех пяти заданий, которые были мною поставлены...

Предлагаю еще раз рассмотреть вопрос и органи-

* Ленин В.И., ПСС, т. 54, стр. 119.

** Там же, стр. 120.

зовать борьбу с волокитой деловито, по всем правилам военного искусства...”*

Н у ж н о ”подобрать” случаи ”поярче” и с д е л а т ь ”из каждого суда политическое дело”, а виновность или невиновность героев спектакля – вопрос второстепенный. Когда Ленину пытаются доказать, что суть не в злом умысле ”волокитчиков”, он требует наказания ”как раз ответственных виновников этих организационных дефектов”, не понимая, что один из ”ответственных виновников” спит на Хайгетском кладбище, а другой – диктует это наставление.

Более того, он так возмущен Курским, что предлагает Цюрупе привлечь к административной ответственности и его самого – наркома юстиции!

”Прилагаю насчет Курского. Это верх безобразия. Это саботаж! Мне ли написать ему очень сердито, или прямо Вы ему объявите выговор?

Ваш Ленин”**

Невозможность овладеть ситуацией с помощью организационных приемов все чаще и чаще толкает Ленина к применению чисто насильственных мер в различных сферах гражданского администрирования. Собственно говоря, после Октябрьского переворота и гражданской войны ничего нового в этих мерах для Ленина нет. Я хочу подчеркнуть другое: сила, которая не может добиться своих целей мирными средствами и при этом не хочет отказываться от своего положения е д и н с т в е н н о й р е ш а ю щ е й с и л ы , должна неизбежно обратиться к террору. В этом смысле Ленин стал на путь для его партии неотвратимый – поскольку, не будучи в состоянии

* Ленин В.И., ПСС, т. 54, стр. 120.

** Там же, стр. 221.

выполнить свои дореволюционные обещания и намерения, РКП (б) не собиралась уступать кому-либо власть или с кем-то ее делить. Ленин вновь и вновь ищет выход из всех затруднений в терроре:

”Вы мне сказали, что некоторые наши тресты могут в ближайшем будущем оказаться без денег и просить нас ультимативно о том, чтобы их национализировали. Я думаю, что тресты и предприятия на хозяйственном расчете основаны именно для того, чтобы они сами отвечали и притом всецело отвечали за безубыточность своих предприятий. Если это оказывается ими недостижимо, то по-моему, они должны быть привлекаемы к суду и караться в составе всех членов правления длительным лишением свободы (может быть с применением по истечении известного срока условного освобождения), конфискацией всего имущества и т.д.” *

За бесприбыльность не карал заключением и конфискацией имущества даже Сталин.

Аналогичными способами Ленин пытается регулировать и успехи науки:

”31. III. 1922.

с. секретно

В Наркомюст, тов. Курскому

Копия тов. Крыленко

По моему поручению бывшей МЧК было начато расследование по делу преступной халатности, волокиты и бездеятельности в Научно-техническом отделе и Комитете по делам изобретений.

Результаты расследования были представлены в Мосревтрибунал, который вместо того, чтобы по суще-

* Ленин В.И., ПСС, т. 54, стр. 150-151.

ству рассмотреть это дело, выявить и наказать виновных (а что в этих учреждениях имеется достаточное количество ученых шалопаев, бездельников и прочей сволочи — отмечалось не раз в печати, в статьях т. Сосновского и других) — чрезвычайно покровительственно отнесся к обвиняемым, судил без обвинителя и в конце концов признал обвинение недоказанным и всех виновных оправдал.

Прошу Вас лично ознакомиться с этим делом, сугубо внимательно к нему отнестись, постараться совместно с РКИ собрать дополнительные материалы о деятельности этих учреждений, если нужно назначить по соглашению с тов. Аванесовым ревизию — не из чиновников и слюнтяев, а из людей, которые действительно сумеют как следует обревизовать, добыть нужные материалы и найти виновных. Нужно в Ревтрибунале поставить политический процесс (с привлечением для печати т. Сосновского), который как следует перетряхнул бы это "научное" болото.

Мосревтрибуналу за послабление и формальное бюрократическое отношение к делу предлагаю объявить строгий выговор.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В.Ульянов (Ленин)»*

Лишенный из-за отсутствия гласности и свободы печати (им же самим и ликвидированных) возможности что-либо знать об истинных взглядах и настроениях своих подданных, Ленин пытается возместить это неведение полицейской слежкой за интеллигенцией:

* Ленин В.И., ПСС, т. 54, стр. 220-221.

”т. Дзержинский! К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции.

Надо это подготовить тщательнее. Без подготовки мы наглушим. Прошу обсудить такие меры подготовки.

Собрать совещание Мессинга, Манцева и еще коекого в Москве.

Обязать членов Политбюро уделять 2-3 часа в неделю на просмотр ряда изданий и книг, п р о в е р я я исполнение, т р е б у я п и с ь м е н н ы х о т з ы в о в и добиваясь присылки в Москву без проволоочки всех некоммунистических изданий.

Добавить отзывы ряда литераторов-коммунистов (Стеклова, Ольминского, Скворцова, Бухарина и т.д.).

Собирать с и с т е м а т и ч е с к и е сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей.

Поручить все это толковому, образованному и аккуратному человеку в ГПУ...”*

Ленин и здесь выводит советскую власть на единственно ей доступный путь взаимоотношений с инакомыслящими. Отсюда идут и чекагебистские ”досье” на ”неблагонадежных” писателей, и ”кураторы” идеологических учреждений с плохо скрытой военной выправкой...

Как мы уже не раз говорили, наследие Ленина решительно опровергает легенду о том, что НЭП и на самом деле раскрепощал свободную инициативу. На какое-то время убеждение Ленина в том, что частная собственность не может не быть

* Ленин В.И., ПСС, т. 54, стр. 265. (Выделено Лениным.)

беспомощней собственности социалистической (сиречь государственной), подсказывает ему идею их относительно свободного соревнования. Однако в 1922-м году ход этого соревнования стал уже очевидным, и Ленин опять начинает отдавать предпочтение силовым приемам в области хозяйственных отношений:

”...Говорят, в Смоленской губернии частный капитал по бил кооперацию, довел до закрытия.

А суд за незаконную торговлю?

А пошлины за частную торговлю? и т.д. и т.п.

Тоже все проспали советские бюрократы?

Кто у Вас отвечает за это? Не создать ли комиссии

1) от НКФ

2) от НКЮ

3) кто-либо

для мер надзора и репрессии за неправильную торговлю и т.п.?

С ком. приветом Ленин”*

”...что н а д е л е делается? что на деле достигается? успехи нарсудов и ревтрибов? как бы это учесть и проверить?

Число процессов по злоупотреблению НЭПом?

Число обвинительных приговоров, и каковы наказания (в целом, а не в единичных случаях)? и т.д.

С коммунистическим приветом Ленин”**

”...Обдуманы ли формы и способы ответственности членов правлений трестов за неправильную отчетность и з а у б ы т о ч н о е ведение дела? Не спит ли у нас

* Ленин В.И., ПСС, т. 54, стр. 160. (Выделено Лениным.)

** Там же, т. 44, стр. 411-412. (Выделено Лениным.)

НКюст? Тут нужен ряд о б р а з ц о в ы х процессов с применением ж е с т о ч а й ш и х кар. НКюст, кажись, не понимает, что новая экономическая политика требует н о в ы х способов н о в о й ж е с т о к о с т и кар”.*

В марте 1922 года Ленин пишет Л.Б. Каменеву: ”Величайшая ошибка думать, что НЭП положит конец террору. Мы еще вернемся к террору и к террору экономическому”.**

Свидетельства того, что частнохозяйственный, корпоративно-трестовый и кооперативный секторы советской экономики должны быть, по замыслу Ленина, полностью подконтрольны партократическому руководству страной, не допускают ни малейшего разночтения. И в этом вопросе Ленин проявляет все то же, что и в 1918-м году, непонимание некоторых первоосновных вопросов — непонимание, предопределяющее провал всех его хозяйственно-созидательных замыслов. Он не осознает того, что высокая продуктивность капиталистического производства обусловлена прежде всего с в о б о д о й этого производства. Ленину представляется, что высокой производительности труда можно ”научиться”, подсмотрев секреты гоняемого на корде (”управляемого”) квазикапитализма. Так, он говорит на XI съезде РКП (б) :

”Государственный капитализм, это — тот капитализм, который мы сумеем ограничить, пределы которого мы сумеем установить, этот государственный капитализм связан с государством, а государство это — рабочие, это — передовая часть рабочих, это — авангард, это — мы.

Государственный капитализм, это — тот капитализм, который мы должны поставить в известные рам-

* Ленин В.И., ПСС, т. 54, стр. 160. (Выделено Лениным.)

** Там же, т. 44, стр. 428.

ки и которого мы не умеем до сих пор поставить в эти рамки. Вот в чем вся штука. И уже от нас зависит, каков будет этот государственный капитализм. Политической власти у нас достаточно, совершенно достаточно; экономических средств в нашем распоряжении тоже достаточно, но недостаточно умения у того авангарда рабочего класса, который выдвинут, чтобы непосредственно ведать, и чтобы определить границы, и чтобы размежеваться, и чтобы подчинить себе, а не быть подчиненным. Тут нужно только умение, а его у нас нет.”*

И далее:

”Отступление кончилось, дело теперь в перегруппировке сил. Вот директива, которую съезд должен вынести, которая сутолоке, суматохе должна положить конец. Успокойтесь, не мудрствуйте, это будет засчитываться в минус. Практически нужно доказать, что ты работаешь не хуже капиталистов. (...)

У тебя перевес перед капиталистами потому, что государственная власть в твоих руках, целый ряд экономических средств в твоих руках, ты не умеешь только ими пользоваться, смотри на вещи трезвее, скинь с себя мишуру, торжественное коммунистическое облачение, попросту учись простому делу, и тогда мы побьем частного капиталиста”.**

Не понимает он и того, что ”хорошее” (с чьей точки зрения?) общегосударственное ”научное” планирование несостоятельно прежде всего из-за бесконечных объемов информации-времени, необходимых для такого планирования. И что обя-

* Ленин В.И., ПСС, т. 45, стр. 85.

** Там же, стр. 92.

занность следить еще и за "частным" сектором экономики лишь углубляет дефицит информации-времени, и без того надрывающий планирующие инстанции и вынуждающий их действовать произвольно.

Поэтому в письме народному комиссару юстиции Д.И. Курскому от 20 февраля 1922 г. (заголовок письма — "О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики") * Ленин пишет:

"Прежде боевыми органами Соввласти были главным образом Наркомвоен и ВЧК. Теперь особенно боевая роль выпадает на долю НКЮста; понимания этого, к сожалению, со стороны руководителей и главных деятелей НКЮста не видно.

Усиление репрессии против политических врагов Соввласти и агентов буржуазии (в особенности меньшевиков и эсеров); проведение этой репрессии ревтрибуналами и нарсудами в наиболее быстром и революционно-целесообразном порядке; обязательная постановка ряда образцовых (по скорости и силе репрессии; по разъяснению народным массам, через суд и через печать, значения их) процессов в Москве, Питере, Харькове и нескольких других важнейших центрах; воздействие на нарсудей и членов ревтрибуналов через партию в смысле улучшения деятельности судов и усиления репрессии; — все это должно вестись систематично, упорно, настойчиво, с обязательной отчетностью (самой краткой, в телеграфном стиле, но деловой и аккуратной, с обязательной статистикой того, как карает и как учится карать НКЮст

* Ленин В.И., т. 45, стр. 396, 397, 398, 399, 400. (Выделено Лениным.)

ту, преобладающую у нас "коммунистическую" сволочь, которая умеет калякать и важничать, а работать не умеет).

Не менее важна боевая роль НКЮста в области н э п о , и еще возмутительнее слабость и сонность НКЮста в этой области. Не видно понимания того, что мы признали и будем признавать лишь г о с у д а р с т в е н н ы й капитализм, а государство, это — мы, мы, сознательные рабочие, мы, коммунисты. Поэтому ни к черту не годными коммунистами надо признать тех коммунистов, кои не поняли своей задачи ограничить, обуздать, контролировать, ловить на месте преступления, карать внушительно в с я к и й к а п и т а л и з м , в ы х о д я щ и й з а р а м к и г о с у д а р с т в е н н о г о к а п и т а л и з м а , к а к м ы п о н и м а е м п о н я т и е и з а д а ч и г о с у д а р с т в аВ газетах шум по поводу злоупотреблений н э п о м . Этих злоупотреблений бездна. А где шум по поводу о б р а з ц о в ы х п р о ц е с с о в против мерзавцев, злоупотребляющих новой экономической политикой? Этого шума нет, ибо этих процессов нет. НКЮст "забыл", что это его дело, — что не сумеет подтянуть, встряхнуть, перетряхнуть нарсуды и научить их к а р а т ь б е с п о щ а д н о , в п л о т ь д о р а с с т р е л а , и б ы с т р о за злоупотребления новой экономической политикой, это долг НКЮста. За это о н о т в е ч а е т . Ни капельки живой работы со стороны НКЮста в этой области не видно, ибо ее нет.

Идет подготовка нового гражданского законодательства. НКЮст "плывет по течению"; я это вижу. А он обязан бороться п р о т и в течения. Не перенимать (вернее, не дать себя надувать тупоумным и буржуазным старым юристам, кои перенимают) старое, буржуазное понятие о гражданском праве, а создавать новое.

Не поддаваться Наркоминделу, который "по должности" тянет линию "приспособления к Европе", а бороться с этой линией, вырабатывать новое гражданское право, новое отношение к "частным" договорам и т.п. Мы ничего "частного" не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное. Мы допускаем капитализм только государственный, а государство, это — мы, как сказано выше. Отсюда — расширить применение государственного вмешательства в "частноправовые" отношения; расширить право государства отменять "частные" договоры; применять не *corpus juris romani** к "гражданским правоотношениям", а наше революционно-правосознание; показывать систематически, упорно, настойчиво на ряде образцовых процессов, как это надо делать с умом и энергией; через партию шельмовать и выгонять тех членов ревтрибуналов и нарсудей, кои не учатся этому и не хотят понять этого.

Торгуй, наживайся, мы это тебе позволяем, но в т р о е подтянем твою обязанность быть честным, давать правдивые и аккуратные отчеты, считаться не только с буквой, но и с д у х о м нашего, коммунистического законодательства, не допускать ни тени отступления от наших законов, — вот какова должна быть основная заповедь НКЮста в отношении н э п о . Если НКЮст не сумеет добиться того, чтобы у нас капитализм был "вышколенный", был "приличный", если НКЮст не докажет рядом образцовых процессов, что он умеет ловить за нарушение этого правила и к а р а т ь не позорно-глупым, "коммунистически-тупоумным" штрафом в 100-200 миллионов, а р а с с т р е л о м, —

* Свод законов римского права.

тогда НКЮст ни к черту не годен, и я буду считать своим долгом тогда добиваться от Цека полной смены ответственных работников НКЮста”.

Весьма характерен для Ленина пост-скрипtum к этому письму:

”P.S. Ни малейшего упоминания в печати о моем письме быть не должно. Пусть, кто хочет, выступает за своей подписью, не упоминая меня, и побольше конкретных данных!”

Так что и тут к беспощадности Ленина, к несомненной ограниченности его экономического кругозора примешивается еще и обычное для него тактическое лицемерие. В собрании сочинений примечание: ”Печатается полностью впервые по рукописи”. Таким образом, это письмо Ленина в Наркомюст увидело свет полностью только в 1970 году.*

Как только выяснилось, что, кроме принуждения и запретов, нет у Ленина универсальных приемов управления, его личная ценность для ”внутренней партии”(Орвелл) резко упала. Способность провоцировать, завоевывать, разрушать, возглавлять террор и дезинформацию (в отличие от способности созидать, улучшать, генерировать оригинальные и действенные решения сложных задач) — не такое уж редкое качество для людей с лидерскими наклонностями.

Ленин-тактик — поистине редкое политическое явление. Ленин-диктатор ничем выдающимся в ряду прочих диктаторов не отличался. Ему решительно не хватает выдержки и энергии. Он болен, стареет, нервничает, раздражается, дает невыполнимые указания, сплошь и рядом обращает свое раздра-

* И вот у такого НЭПа хотят учиться нынешние советские реформаторы!

жение против ближайших соратников и даже против себя самого. Понимание частью его окружения его нарастающей беспомощности проявилось к осени 1922 года достаточно определенно. Иронические замечания Троцкого по поводу "Постановления о работе заводов" или ленинских писем о Рабкрине, реакция партийных острословов и вольнодумцев, вроде Рязанова и Ларина, на доклад Ленина на XI съезде РКП(б),* патетические обличения ленинских действий партийными ортодоксами типа Шляпникова на X и XI съездах РКП(б) — оценки Ленина, присутствующие в этих документах эпохи, не слишком для него лестны.

Я не хочу сказать, что оппоненты Ленина (иногда — явные, иногда — уклончивые) предлагали какие-то эффективные альтернативы его беспомощным распоряжениям. Когда их предложения располагались в границах последовательного большевизма, они ничем принципиально не отличались от ленинских. Когда в таких контрпредложениях имелось нечто в с е р ь е з н е - л е н и н с к о е (как, например, в выступлении Г.Мясникова, требовавшего свободы печати, или в платформе РОПП, добивавшейся приоритета рабочих союзов над партией), то они непосредственно или косвенно ослабляли диктатуру РКП(б). Но если кому-нибудь кажется, что сам Ленин унес с собой какие-то спасительные рецепты (и что именно из-за наличия у него этих рецептов он был изолирован Сталиным от партии во время болезни), то это не более, чем иллюзия.

В 1922-м году "неуменье", "нежелание", "неспособность" людей и организаций выполнять требования и советы Ленина, соответствовать его ожиданиям и прогнозам все чаще вызы-

* По словам Ларина, делегатов обрадовало выздоровление Ленина и появление его на съезде, но не его выступления, в общем, бессодержательные, в чем Ларин прав.

вают у него досаду и недоверие не только к отдельным лицам и учреждениям, но и к одному слою советского общества за другим. До революции его опорой, его мессией, вместилищем всех надежд человечества был в его пропагандистских произведениях пролетариат. Теперь и рабочие, то бастующие, то бунтующие, то отстаивающие независимость профсоюзов, оказываются классом ненадежным и недоброкачественным.

Давно ли, провоцируя городские низы на выступления против Временного правительства и меньшевистских Советов, Ленин бесцеленно повторял и варьировал тезис Маркса о том, что только пролетариат, поголовно организованный в господствующий класс, может быть истинно революционным, истинно народным, истинно социалистическим носителем государственной власти? Теперь он решительно одергивает претендующие на независимость пролетарские профсоюзы ("рабочую оппозицию"):

"Но диктатуру пролетариата через его поголовную организацию осуществить нельзя. Ибо не только у нас, в одной из самых отсталых капиталистических стран, но и во всех других капиталистических странах пролетариат все еще так раздроблен, так принижен, так подкуплен кое-где (именно империализмом в отдельных странах), что поголовная организация пролетариата диктатуры его осуществить непосредственно не может. Диктатуру может осуществлять только тот авангард, который вобрал в себя революционную энергию класса".* "Разве знает каждый рабочий, как управлять государством? Практические люди знают, что это сказки".** "Наш пролетариат в большей части своей деклассирован".*** "Со времени войны фабрично-заводские

* Ленин В.И., ПСС, т. 42, стр. 204.

** Там же, стр. 253.

*** Там же, т. 43, стр. 42.

рабочие в России стали гораздо менее пролетарскими по составу, чем прежде, ибо во время войны поступали на заводы те, кто хотел уклониться от военной службы. Это — факт общеизвестный”.*

”...Очень часто, когда говорят ”рабочие”, думают, что значит это фабрично-заводской пролетариат. Вовсе не значит. У нас со времен войны на фабрики и на заводы пошли люди вовсе не пролетарские, а пошли с тем, чтобы спрятаться от войны, а разве у нас сейчас общественные и экономические условия таковы, что на фабрики и заводы идут настоящие пролетарии? Это неверно. Это правильно по Марксу, но Маркс писал не про Россию, а про весь капитализм в целом, начиная с пятнадцатого века. На протяжении шестисот лет это правильно, а для России теперешней неверно. Сплошь да рядом идущие на фабрики — это не пролетарии, а всяческий случайный элемент”.**

Но в последних своих работах и письмах,*** ища способов предупредить окончательное бюрократическое перерождение власти, Ленин опять пытается ухватиться за идейное первородство пролетариата. Он предлагает расширить ЦК и ЦКК, введя туда рабочих. Но р е к о м е н д о в а т ь этих рабочих должны проверенные (?) коммунисты, а о коммунистах он пишет следующее:

”...надо принять во внимание, что соблазн вступления в правительственную партию в настоящее время гигантский (...).

Если не закрывать себе глаза на действительность, то надо признать, что в настоящее время пролетарская

* Ленин В.И., ПСС, т. 45, стр. 19.

** Там же, стр. 106-107.

*** Там же, стр. 343-406.

политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией. Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то во всяком случае ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него”.*

И еще:

”...Если народ, который завоевал, культурнее народа побежденного, то он навязывает ему свою культуру, а если наоборот, то бывает так, что побежденный свою культуру навязывает завоевателю. Не вышло ли нечто подобное в столице РСФСР и не получилось ли тут так, что 4700 коммунистов (почти целая дивизия, и все самые лучшие) оказались подчиненными чужой культуре? Правда, тут может как будто получиться впечатление, что у побежденных есть высокая культура. Ничего подобного. Культура у них мизерная, ничтожная, но все же она больше, чем у нас. Как она ни жалка, как ни мизерна, но она больше, чем у наших ответственных работников-коммунистов”.**

Как же они могут руководить?

Стремясь обеспечить ”надежность” руководящих работников и коммунистов, Ленин громоздит один этаж рекомендателей над другим. Но, когда, тяжелейше больной, он диктует свое знаменитое ”Завещание”,*** вызвавшее столько пересудов и толков, так долго скрывавшееся от партии и, тем более, от народа, — ”Завещание”, молва о котором послужила поводом к стольким репрессиям, оказывается, что и на самой вер-

* Ленин В.И., ПСС, т. 45, стр. 20.

** Там же, стр. 95-96.

*** Там же, стр. 343-348.

шине партийной элиты он не обнаруживает для себя ни одного безоговорочно надежного преемника. Кто же кого должен рекомендовать и за кого ручаться? Ведь в конечном счете, при движении снизу вверх и обратно, в с я ц е п ь : от пролетариев, которые должны проверять, направлять и контролировать высочайшие коммунистические инстанции, и до этих инстанций, которые должны рекомендовать пролетариев для такого контроля, — не имеет ни одного звена, вызывающего доверие Ленина! Снизу и доверху она состоит, по его убеждению, из неполноценного человеческого материала.

Положение Ленина тяжело и субъективно, и объективно. Он тяжело болен. Болезнь прогрессирует неотвратимо, и достичь уровня работоспособности прежних лет он уже не может. В то же время возникшая перед ним задача не имеет организационного решения. Глубоко убежденный в том, что огосударствленная экономика должна быть эффективней рыночной, что централизованность и упорядоченность — синонимы, он никак не может понять, почему действительность опровергает его представления. Он занят тем, что ищет виновных. И, когда юристам (его юристам) не удастся таковых отыскать, он проникается мыслью, что виновны все.

Безнадежные попытки "решить", пошел ли бы Ленин, стремясь сохранить систему, на террор сталинского размаха, в том числе и против собственной партии, порождают серию мифов о Ленине, способном обойтись без большого террора в строительстве социализма. Но без террора в строительстве и сохранении социализма никто еще не обошелся, и в принципе обойтись нельзя. Вопрос заключается только в том, хватило ли бы Ленина на террор нужной мощи. В 1918-1922 гг. хватало; чем обернулось бы будущее, гадать бессмысленно. Реального Ленина физически не хватило уже ни на что, кроме введения НЭПа и защиты закона о государственной монополии внешней торговли.

...После выхода в свет пятидесятипятитомника сочинений Ленина, а также стараниями Р.Медведева, Е.Драбкиной и других, к Ленину справедливому и Ленину скорбящему прибавился еще и Ленин со связанными руками и кляпом во рту. И во всех этих мифах возникал перед нами человек великодушный и мудрый – антитеза грубого и жестокого Сталина.

Разумеется, сочинять апокрифы куда интересней, чем рыться в книгах, которые стоят на полках всех казенных библиотек. Но когда этих книг не читают люди, обязанные читать их по роду своей литературной и политической специализации, возникает законное недоумение.

Р.А. Медведев пишет:* ”Обострившиеся разногласия внутри ЦК и происходившая здесь явная и тайная борьба за власть, грозившая расколом партии, очень волновала В.И. Ленина, в состоянии здоровья которого летом и осенью 1923 года произошли заметные улучшения. ...Ленин в эти месяцы встречался со многими людьми, но он не хотел приглашать к себе не только Сталина, но и других членов Политбюро. По свидетельству Н.К. Крупской, это было бы ему ”непосильно тяжело”. Как рассказывает в неопубликованной части своих мемуаров Е.Драбкина, Ленин часами сидел в одиночестве и часто плакал, видимо, не только от бессилия, но и от обиды”.

Картина получается трогательная и впечатляющая. Когда больной пожилой человек часами сидит в одиночестве и плачет, его жалко.

Но человек, которого нам жалко, писал о ж а л о с т и :

”Мы должны сказать, что должны погибнуть либо те, кто хотел погубить нас и о ком мы считаем, что он должен погибнуть, – и тогда останется жить наша Советская республика, – либо наоборот, останутся жить капиталисты и погибнет республика. В стране, которая

* Альманах ”Двадцатый век” (Лондон), 1977, № 2.

обнищала, либо погибнут те, которые не могут подняться, либо вся рабоче-крестьянская республика. И выбора здесь нет и быть не может, так же, как не должно быть и никакой сентиментальности.

Сентиментальность есть не меньшее преступление, чем на войне шкурничество. Тот, кто отступает теперь от порядка дисциплины, тот впускает врагов в свою среду.

Вот почему я говорю, что новая экономическая политика имеет значение еще и со стороны учения. Вы здесь говорите о том, как надо учить. Вы должны прийти к тому, чтобы сказать, что недоучившимся у нас нет места. Тогда, когда будет коммунизм, тогда ученье будет мягче. Теперь же я говорю, что ученье не может не быть суровым — под страхом гибели”.*

Ленин употребляет слово ”сентиментальность” неточно, ибо он имеет в виду не собственно ”сентиментальность” (поверхностную квазичувствительность), а жалость, состраdatельность, отвращение перед насилием, то есть чувства истинные и глубокие. Это следует из полного текста его м н о г о к р а т н ы х нападок на ”сентиментальность” и сарказмов по поводу ”сентиментальных интеллигентов”.

Итак, ”сентиментальность на войне есть преступление”. А коммунизм (марксизм-ленинизм) определил с 1848 года свой путь как состояние перманентной в о й н ы против в с е м и р н о г о капитализма. Ленин успел в этой войне только поставить РКП (б) в положение колонизатора своей же страны. Сталину предстояло эту колонизацию сделать тотально прочной. Мощь развернутого ими террора — мера не только их личных и партийных качеств, но и мера сопротивления, оказываемого ”материалом” — страной. Ленин уничтожил или вытес-

* Ленин В.И., ПСС, т. 44, стр. 166-167.

нил за границу высшие классы и часть несогласной с ним интеллигенции, все оппозиционные к большевизму партии, приказал бесчеловечно убить царя, его жену, детей и других представителей династии, беспощадно подавил возникшее в 1918-1921 гг. народное (рабочее, крестьянское, матросское) сопротивление, всюду, где это ему удалось, овладел нерусскими окраинами страны. Сталину предстояло частью уничтожить, частью закрепостить крестьянство, всю остальную интеллигенцию, первый состав собственной партии и вообще всю страну, ибо сопротивление диктатуре неизменно активизировалось, как только ее свертывали, пресс хоть сколько-нибудь приподымался. Почему же Сталин должен был относиться к сентиментальности иначе, чем Ленин? Разве его сверхзадача была проще ленинской? Разве это была не одна и та же задача?

Вот еще одна из ленинских директив, раскрывающих типичные методы решения им его партийных задач (подобных примеров мы привели уже множество, но, разумеется, не исчерпали их):

”Членам Совета Обороны

Х л е б п е р е с т а л п о д в о з и т ь с я . Ч т о б ы с п а с т и с ь , н у ж н ы м е р ы , д е й с т в и т е л ь н о , э к с т р е н н ы е . . . Н а л и ч н ы й х л е б н ы й п а е к у м е н ь ш и т ь д л я н е р а б о т а ю щ и х п о т р а н с п о р т у ; у в е л и ч и т ь д л я р а б о т а ю щ и х . П у с т ь п о г и б н у т е щ е т ы с я ч и , н о с т р а н а б у д е т с п а с е н а ” . *

Нет никаких оснований сомневаться в том, что слово ”страна” в данном контексте означает ”большевистская власть”.

* Ленин В.И., ПСС, т. 40, стр. 81. (Выделено Лениным.)

...Во внутрисоветском Самиздате уже много лет как пущен в оборот документ, идентифицированный многими специалистами как одно из по сей день не опубликованных в СССР ленинских писем. В двух зарубежных русских публикациях* имеется следующий комментарий редактора "Вестника РСХД" Н.А. Струве: "...Подлинность его (документа – Л.Р.) вне сомнения: на него есть прямая ссылка в "Полном собрании сочинений Ленина", т. 45, М., 1964 г., стр. 666-667: "Март 19. Ленин в письме членам Политбюро ЦК РКП (б) пишет о необходимости решительно подавить сопротивление духовенства проведению в жизнь декрета ВЦИК от 23 февраля 1922 об изъятии церковных ценностей в целях получения средств для борьбы с голодом". (В "Архиве" имеет шифр ЦПА ИМЛ, ф.2, ед. хр. 22954). Но бдительные цензоры ленинских писаний не посмели включить это письмо в так наз. "Полное собрание сочинений", насчитывающее 55 томов".

Подлинность этого документа не вызывает сомнения еще и по причине чисто ленинских интонаций, лексики и стилистики текста. С такой достоверностью подделать всю совокупность этих приемов немислимо. Советская печать, специальная и массовая, ни разу не оспорила западных публикаций этого ленинского письма.

Безусловно, это ленинское обращение к членам Политбюро (тождественное по духу, смыслу, целям и беспощадности многим другим, опубликованным в Советском Союзе, террористическим директивам Ленина) останется спрятанным в архиве до тех пор, пока ЦК КПСС его не уничтожит или не перестанет успешно эксплуатировать отечественный и мировой культ Ленина и ленинизма, противопоставляемых сталинизму. Приводим этот документ, датированный 19.3.1922 года, полностью:

* "Вестник РСХД", № 97, 1970, Париж. Стр. 54-57; Л.Регельсон, "Трагедия русской церкви 1917-1945". Изд. ИМКА-ПРЕСС, 1977, Париж. Стр. 280-284.

”Товарищу Молотову
для членов Политбюро.

Строго секретно.

Просьба ни в коем случае копий не снимать, а каждому члену Политбюро (тов. Калинин у тоже) делать свои заметки на самом документе.

Ленин

По поводу происшествия в Шуе, которое уже поставлено на обсуждение Политбюро, мне кажется, необходимо принять сейчас же твердое решение в связи с общим тоном борьбы в данном направлении. Так как я сомневаюсь, чтобы мне удалось лично присутствовать на заседании Политбюро 20 марта, то поэтому я изложу свои соображения письменно.

Происшествие в Шуе должно быть поставлено в связь с тем сообщением, которое недавно РОСТА переслало в газеты не для печати, а именно сообщение о подготовляющемся черносотенцами в Питере сопротивлении декрету об изъятии церковных ценностей. Если сопоставить с этим фактом то, что сообщают газеты об отношении духовенства к декрету об изъятии церковных ценностей, а затем то, что нам известно о нелегальном воззвании Патриарха Тихона, то станет совершенно ясно, что черносотенное духовенство во главе со своим вождем совершенно обдуманно проводит план дать нам решающее сражение именно в данный момент.

Очевидно, что на секретных совещаниях влиятельнейшей группы черносотенного духовенства этот план обдуман и принят достаточно твердо. События в Шуе лишь одно из проявлений этого общего плана.

Я думаю, что здесь наш противник делает громадную ошибку, пытаясь втянуть нас в решительную борьбу тогда, когда она для него особенно безнадежна и особенно невыгодна. Наоборот, для нас именно данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы сможем 99-ю из 100 шансов на

полный успех разбить неприятеля на голову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи, трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Именно теперь и только теперь громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо, во всяком случае, будет не в состоянии поддержать сколько-нибудь решительно ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства, которые могут и хотят испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету.

Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности и никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности совершенно немыслимы. Взять в свои руки этот фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть и несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало. А сделать это с успехом можно только теперь. Все соображения указывают на то, что позже сделать это нам не удастся, ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, который бы либо обеспечил нам сочувствие этих масс, либо, по крайней мере, обеспечил бы нам нейтрализацию этих масс в том смысле, что победа в борьбе с изъятием ценностей останется безусловно и полностью на нашей стороне.

Один умный писатель по государственным вопросам справедливо сказал, что если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то на-

до осуществлять их самым энергичным образом и в самый короткий срок, ибо длительного применения жестокостей народные массы не вынесут. Это соображение в особенности еще подкрепляется тем, что по международному положению России для нас, по всей вероятности, после Генуи окажется или может оказаться, что жестокие меры против реакционного духовенства будут политически нерациональны, может быть даже чересчур опасны. Сейчас победа над реакционным духовенством обеспечена полностью. Кроме того, главной части наших заграничных противников среди русских эмигрантов, т.е. эсерам и милюковцам, борьба против нас будет затруднена, если мы именно в данный момент, именно в связи с голодом проведем с максимальной быстротой и беспощадностью подавление реакционного духовенства.

Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий. Самую кампанию проведения этого плана я представляю следующим образом:

Официально выступать с какими бы то ни было мероприятиями должен только тов. Калинин, — никогда и ни в каком случае не должен выступать ни в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий.

Посланная уже от имени Политбюро телеграмма о временной приостановке изъятий не должна быть отменяема. Она нам выгодна, ибо посеет у противника представление, будто мы колеблемся, будто ему удалось нас запугать (об этой секретной телеграмме, именно потому, что она секретна, противник, конечно, скоро узнает).

В Шую послать одного из самых энергичных, толковых и распорядительных членов ВЦИК или других представителей центральной власти (лучше одного, чем нескольких), причем дать ему словесную инструкцию через одного из членов Полит-

бюро. Эта инструкция должна сводиться к тому, чтобы он в Шуе арестовал как можно больше, не меньше, чем несколько десятков, представителей местного духовенства, местного мещанства и местной буржуазии по подозрению в прямом или косвенном участии в деле насильственного сопротивления декрету ВЦИК об изъятии церковных ценностей. Тотчас по окончании этой работы он должен приехать в Москву и лично сделать доклад на полном собрании Политбюро или перед двумя уполномоченными на это членами Политбюро. На основании этого доклада Политбюро даст детальную директиву судебным властям, тоже устную, чтобы процесс против шуйских мятежников, сопротивляющихся помощи голодающим, был проведен с максимальной быстротой и закончился не иначе, как расстрелом очень большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев г. Шуи, а по возможности также и не только этого города, а и Москвы и нескольких других духовных центров.

Самого Патриарха Тихона, я думаю, целесообразно нам не трогать, хотя он несомненно стоит во главе всего этого мятежа рабовладельцев. Относительно него надо дать секретную директиву Госполитупру, чтобы все связи этого деятеля были как можно точнее и подробнее наблюдаемы и вскрываемы, именно в данный момент. Обязать Дзержинского, Уншлихта лично делать об этом доклад в Политбюро еженедельно.

На съезде партии устроить секретное совещание всех или почти всех делегатов по этому вопросу совместно с главными работниками ГПУ, НКЮ и Ревтрибунала. На этом совещании провести секретное решение съезда о том, что изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть произведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь прочесть

эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать.

Для наблюдения за быстрейшим и успешнейшим проведением этих мер назначить тут же на съезде, т.е. на секретном его совещании, специальную комиссию при обязательном участии т. Троцкого и т. Калинина, без всякой публикации об этой комиссии с тем, чтобы подчинение ей всех операций было обеспечено и проводилось не от имени комиссии, а в общесоветском и общепартийном порядке. Назначить особо ответственных наилучших работников для проведения этой меры в наиболее богатых лаврах, монастырях и церквах.

Ленин

Прошу т. Молотова постараться разослать это письмо членам Политбюро вкруговую сегодня же вечером (не снимая копий) и просить их вернуть Секретарю тотчас по прочтении с краткой заметкой относительно того, согласен ли с основой каждый член Политбюро или письмо возбуждает какие-нибудь разногласия.

Ленин.”

”Происшествие в Шуе” состояло в попытке верующих защитить от реквизиции принадлежащие церкви предметы богослужебного культа. Относительно сохранения их за церквями и монастырями имелась особая оговорка в послании Патриарха Тихона верующим и духовенству от 15 февраля 1922 года. Все н е б о г о с л у ж е б н ы е ценности, равно как и деньги и продовольствие, Патриарх призывал жертвовать в фонд помощи голодающим незамедлительно.

Смертоносная демагогия ленинского письма (сознательная спекуляция на негативном понятии ”черносотенство” и на гуманной цели помощи голодающим); цинический сговор между ”своими” (средства нужны не для помощи голодающим, а для свободы валютных маневров на Генуэзской конфе-

ренции); тактическое лицемерие (выставлять в качестве представителя государства и партии русского "мужика" Калинина, а не еврея Троцкого); бесстыдство обращения к (неназванному) Макиавелли, предвосхищающее террористические кампании сталинщины; требование избыточности и неумолимости террора (чтобы инерция ужаса, родовая память о нем сохранилась на десятилетия), — все это делает нынешние "перестроечные" апелляции к Ленину ничуть не более конструктивными и нравственными, чем апелляции махровых "антиперестройщиков" к Сталину.

Трудно поверить, но и абсолютной уверенности, что этой кровавой ценой он ведет Россию по правильному (хотя бы с его партийных позиций) пути, у Ленина не было. В одном только основополагающем своем труде о своих партийных задачах и целях — в "Государстве и революции" (1917-1918 гг.) он т р и ж д ы подчеркнул отсутствие у радикальных марксистов отчетливого представления о том, что они делают. Вот одно из этих высказываний:

"...’обещать’, что высшая фаза развития коммунизма наступит, ни одному социалисту в голову не приходило, а предвидение великих социалистов, что она наступит, предполагает и не теперешнюю производительность труда, и не теперешнего обывателя, способного ”зря” — вроде как бурсаки у Помяловского — портить склады общественного богатства и требовать невозможного”. *

Вслушайтесь в этот окрик (далеко не единственный в своем роде в ленинской печатно-речевой продукции 1918-1922

* Ленин В.И., ПСС, т. 33, стр. 97.

годов): он и спрашивать ничего с себя не велит! А ведь до октября 1917 года только и делал, что обещал невозможное тем, кого теперь презрительно именуется бурсацко-обывательской чернью, требующей невозможного и разрушающей, чтобы разрушать!

Впрочем, внимательный глаз и тогда мог увидеть всю безответственность его демагогии, почти им и не скрываемую:

”Мы не претендуем на то, что Маркс или марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности. Это вздор. Мы знаем направление этого пути, мы знаем, какие классовые силы ведут по нему, а конкретно, практически это покажет лишь опыт миллионов, когда они возьмутся за дело”.*

Каким же способом ”миллионы” ”возьмутся за дело”? И за какое ”дело”? Во-первых, миллионы не свободны в выборе, а, согласно свидетельствам того же Ленина, диктаторски управляются ”авангардом пролетариата”, то есть верхушкой партии коммунистов. Во-вторых, и сами ”научно-социалистические” вивисекторы, включая Ленина, не знают не только ”пути к социализму во всей его конкретности” — они не выработали конечного непротиворечивого определения самого понятия ”социализм”!

Приведем некоторые доказательства этого парадоксального факта.

Начиная с 1917 года, Ленин не раз повторяет и варьирует свой тезис преимущества социализма от германского ”государственного капитализма”. Последний раз он цитирует в этой связи себя самого в 1921 году, в брошюре ”О продовольственном налоге”.**

* ”Рабочий”, 1917, № 6, 11 сентября (29 августа).

** Ленин В.И., ПСС, т. 43, стр. 212-213.

”Дабы читатель убедился, что ”высокая” оценка государственного капитализма дается мною вовсе не теперь только, а давалась и до взятия власти большевиками, я позволю себе привести следующую цитату из моей брошюры: ”Грозящая катастрофа и как с ней бороться”, написанной в сентябре 1917 года:

...”Попробуйте подставить вместо юнкерско-капиталистического, вместо помещичье-капиталистического государства, государство революционно-демократическое, т.е. революционно разрушающее всякие привилегии, не боящееся революционно осуществлять самый полный демократизм? Вы увидите, что государственно-монополистический капитализм при действительно революционно-демократическом государстве неминуемо, неизбежно означает шаг к социализму”.

...”Ибо социализм есть не что иное, как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии”.

...”Государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет”.

Однако не менее трех раз процитировав в 1918-1921 гг. обширные выдержки из своей работы ”Грозящая катастрофа и как с ней бороться”, * Ленин ни разу не повторил одной весьма существенной фразы, присутствовавшей в этой статье, и даже не поставил отточия на месте пропуска. В 1917 году второй абзац приведенного нами выше отрывка выглядел так:

* Ленин В.И., ПСС, т.34, стр. 151-199.

”Ибо социализм есть не что иное, как ближайший шаг вперед от государственной капиталистической монополии, или иначе: социализм есть не что иное, как государственная монополия, обращенная на пользу всему народу и постольку переставшая быть капиталистической монополией”.*

Но ведь заверченный социализм, согласно классическому марксистскому определению, разделявшемуся как будто бы и Лениным, есть формация без государственная? Государство должно, по Марксу, Энгельсу и (в ряде работ) Ленину, существовать только в переходный от капитализма к социализму период. К тому же это должно быть государство ранее неизвестного мировой истории типа: диктатура организованного в правящий класс пролетариата (”не государство чиновников, а государство вооруженных рабочих”).**

В классическом марксизме ”диктатура пролетариата” выступает как высшая форма демократии потому, что социалистическая революция ожидается основоположниками учения в странах, где пролетариат составит ко времени революции подавляющее большинство народа. В России 1913 года пролетариат составлял не более 16% населения в месте со служами и интеллигенцией, а к концу гражданской войны рабочих в стране осталось не более 3% (данные X и XI съездов РКП(б)). Марксистский догмат господства большинства населения над его эксплуататорским меньшинством здесь явно ”не работал”. Вскоре возникла спасительная теория прорыва ”слабого звена в цепи мирового империализма”, но и в мировых масштабах пролетариат никогда не являлся большинством населения. В России он не оказывался таковым

* Ленин В.И., ПСС, т. 34, стр. 192. (Разрядка наша.)

** Там же, т. 33, стр. 97.

даже в союзе с беднейшей и пролетаризованной частью крестьянства. Поэтому в 1917 году социал-демократы, интеллектуально и нравственно более добросовестные, чем Ленин и ленинцы, были против "социалистической ("пролетарской") революции".

Еще одна неувязка: по классической марксистской теории, все технические и духовные предпосылки социализма должны были вызреть в рамках наиболее развитого капитализма. Это утверждение есть частный случай более широкого тезиса "бытие определяет сознание". Характер и уровень развития средств общественного производства есть, исходя из этого тезиса, аргумент, а производственные отношения – его функция. Ленин же многократно варьирует свой тезис:

"Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный "уровень культуры", ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы. (...)

Для создания социализма, говорите вы, требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму? В каких книжках читали вы, что подобные видоизменения обычного исторического порядка недопустимы или невозможны?" (16.1.1923).*

* Ленин В.И., ПСС, т. 45, стр. 381.

Мы прочитали это в "книжках" Маркса, Энгельса и у многих других марксистов, включая Ленина. В классической марксистской историософской схеме такой подход невозможен, ибо он означает, что не сознание определяется бытием ("надстройка" — "базисом"), а, напротив, бытие определяется сознанием ("базис" — "надстройкой").

Читатель, который обратится к марксистским первоисточникам (включая "Государство и революцию"), увидит, что по идее "основоположников", функции организации, учета и управления уже при капитализме решительно упростились. По Ленину, для их выполнения достаточно "знания четырех действий арифметики" ("Государство и революция"). Поэтому "вооруженные рабочие" смогут сами нанимать для себя и контролировать "бухгалтеров, техников и надсмотрщиков" (Маркс), а также выполнять функции управления и планирования (после восьмичасового рабочего дня по их пролетарской профессии), с постепенным привлечением к этим функциям всех трудящихся. Утопизм этой картины не мог не будить сомнений даже у ее авторов. Поэтому уже у Энгельса есть размышления об "авторитетах", то есть о выбираемых трудящимися руководителях-специалистах, которым трудящиеся должны будут подчиняться в процессе работы, осуществляя тем не менее над ними контроль. Ленинский переход от диктатуры "вооруженного пролетариата" к диктатуре его "авангарда", затем к олигархии партийных вождей и даже к единоличной диктатуре мы выше продемонстрировали. Этот переход — дань реальности, перекроившей (и сегодня перекраивающей) утопию согласно своим возможностям. Именно как уступка реальности появляется приведенный нами выше ленинский тезис: "... социализм есть не что иное, как государственная монополия, обращенная на пользу всему народу и постольку переставшая быть капиталистической монополией".

Вот тут-то и возникает роковой вопрос: "можно ли государственную монополию обратить "на пользу всему народу"?"

Мыслимо ли это даже в том случае, когда государственная монополия этого жаждет, причем не только двигаясь к власти, но и полностью ею овладев?

Ответ однозначен. Он выработан строгой теорией (хорошо исследованные законы функционирования "больших систем") и проверен на опыте множества несходных друг с другом стран и народов. Обратить государственную монополию, политическую, идеологическую и экономическую, "на пользу всему народу" нельзя. Ни одно правительство, ни одна партия, ни одна олигархия и ни один вождь не смогут по-настоящему принести пользу обществу, не восстановив при этом нефиктивных начал плюрализма, свободных рынков и независимой от государства собственности, то есть не перестав быть всеобъемлющими монополистами.

Иначе, при самых благих намерениях, обусловленный природой всех феноменов посястороннего мира неустранимый дефицит информации-времени не позволит им обеспечить удовлетворительное существование и благоприятные перспективы всему обществу. Оставаясь самими собой (то есть абсолютной монопартократической монополией), они могут благодетельствовать только себя, обеспечить только свои привилегии, свое выживание и свою экспансию, да и то, по-видимому, не навечно. Производство и общество под их управлением деградируют, и рано или поздно крах неминуем. Не исключено, что они вовлекут в этот крах все управляемое ими общество, а может быть — и все человечество.

Мы не можем исследовать здесь ленинскую модель кооперативного социализма,* соседствующую в его печатном насле-

* Ленин В.И., ПСС, т. 45, стр. 369-377. Та же модель имеется у множества предшественников и современников Ленина, в том числе у его российских антагонистов (см. хотя бы "Конструктивный социализм" В. Чернова).

дии с моделью государственно-монополистической. Заметим лишь следующее: полную государственную монополию нельзя поставить на службу всему народу, но ее хотя бы можно (на горе этому народу) создать. Покрыть же все поле отечественной, а затем и мировой экономики сетью кооперативов (рабочих, крестьянских, научных и пр.), сохранив при этом государственную собственность на средства производства и всеобъемлющее "общественное" (?) планирование при одновременном контроле сначала "вооруженных рабочих", а затем и всех трудящихся над их (?) государством — невозможно.

Могут возразить, что социально-строительное творчество имеет, как и любое научно-техническое творчество, право на разработку гипотез, на их экспериментальную проверку и на переход от одного проекта к другому. На наш взгляд, одно дело, когда люди переходят от определения к определению, от гипотезы к гипотезе в теории, исследуя те или иные сложившиеся или предполагаемые явления, проверяемые в дискуссиях или в бескровных, обратимых частных экспериментах (пример — коммуны, артели, кооперативы в рамках свободной экономики). И совершенно иное дело, когда люди, толком не знающие, чего конкретно они хотят достичь и каким образом, ставят, да еще и насильственно, кровавые эксперименты на миллионах других людей. И безнадежно страшно и тоскливо становится, когда, испытав на себе и на ближних бессилие роковых утопий, мысль движется по безысходному кругу и возвращается снова и снова к истокам трагического тупика. Одним из таких замкнутых циклов является очередная попытка сегодняшних советских спасателей социализма найти ответы на все поставленные жизнью вопросы у Ленина.

Между тем, и 17 января 1923 года, в самом конце своего пути, Ленин лихо цитирует Наполеона:

”Помнится, Наполеон писал: *«On s’engage, et puis... on voit»*”.

В вольном русском переводе это значит: "Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет". Вот и мы ввязались сначала в октябре 1917 года в серьезный бой, а там уже увидели такие детали развития (с точки зрения мировой истории это несомненно детали), как Брестский мир, или НЭП и т.п.".*

Жизнь и смерть миллионов людей — "с точки зрения мировой истории" — лишь детали развития... развития чего? "Мы все глядим в Наполеоны: двуногих тварей миллионы для нас орудие одно". Не дословно ли?

Был ли человек, сочинивший и произнесший все это, лично жесток?

Я бы не решилась однозначно ответить на этот вопрос.

Скорее всего Ленин (этот гигантский исторический Раскольников) заранее и раз навсегда разрешил себе и своим соратникам переступить через кровь, которой потребует его цель, подобно тому, как он позволил себе и им переступить через нравственность. Но, в отличие от Раскольникова романтического, он не терзал себя самоанализом, не изводил себя сомнениями в том, имеет ли он право переступить. В наследии Ленина не ощущается даже тени морального содрогания и совестливости, которые, правда, приписал ему Горький в своем многострадательном очерке "В.И. Ленин". Но ведь собственно своими руками он и не убил никого!

Он только теории сочинял, произносил речи, бумаги писал и подписывал, в газетах печатался... Не испытывал же Раскольников моральных терзаний, когда напечатал свою статью, где постулировал право "переступить"?

* Ленин В.И., ПСС, т. 45, стр. 381.

По-видимому, и Ленин не ощутил ни единожды по-настоящему смертей — под своим пером.

Создается устойчивое впечатление, что Ленин воспринимает "человеческий материал", которым он оперирует, именно так, как хотел бы, но не сумел его воспринять Раскольников: как некую усредненную и схематизированную до полной бесплотности статистическую абстракцию. Трудно сказать, стоило ли ему это душевных усилий. Во всяком случае, во всем его огромном наследии эти усилия не отразились. Тем более, что, по всей вероятности, Ленин, подобно многим первобольшевицам и симпатизировавшим им современникам, старался верить, что все большевистские преступления против нравственности и человечности оправданы светлым будущим, которое большевики строят. Так верность утопии и насильственное воплощение ее в жизнь рождают слепцов, преступников и тиранов.

Человек сочиняет нечто, разрешающее убийство. Палач по приказу опускает топор. Первый не убивал. Второй убил по приказу. Достоевский заставил человека, придумавшего разрешение убивать, убить своими руками. Он убрал все перегородки и сократил до предела расстояние между вдохновителем убийства и палачом, сняв разницу между ними. Чем это кончилось, нам известно. Изобретателю идеи и палачу некуда стало бежать от ответственности, которая в массе случаев ослаблена (субъективно снята) разделением их ролей.

Ленин не любил Достоевского, объединившего сочинителя идеи и убийцу в одно лицо, чтобы человек ужаснулся содеянному. Ленина не ужасал воплощенный им в жизнь бред Раскольникова, не ужасали убийства, всегда совершаемые чужими руками, где-то за кадром его частного существования.

Вероломство соратников и несправедливость судьбы по отношению к "себе, любимому" (Маяковский) Ленин, как большинство людей, воспринимает несравнимо болезненней, чем все то, что он сам предпринял против других людей.

Для того, чтобы Ленин понял, как милостива была к нему судьба, как умеренно был он обижен еще не развернувшимся Сталиным, как не отлились ему чужие слезы и кровь, перед ним следовало бы прокрутить фильм со смертями всех его ближайших сподвижников (смерть миллионов других людей его могла бы и не взволновать: он воспринял бы ее как абстракцию). Его надо бы провести вслед за его "гвардейцами" по кабинетам, камерам и подвалам московских и ленинградских застенков. Тогда его перестало бы угнетать уютное подмосковное поместье Горки с просторным особняком и парком вокруг. Он оценил бы преданные заботы близких, возможность часами сидеть в одиночестве и лелеять свои обиды...

Когда Сталин понял, что Ленин больше не может сопротивляться его вкрадчивому и неотступному натиску и что за Ленина с ним никто воевать не будет, Ленин как лицо для него превратился в нуль. Так же, как и для всех остальных вчерашних "ленинцев", пока еще со Сталиным почти равноправных. Что им всем стало за дело до немого беспомощного паралитика, еще воющего со смертью? Через В л а д и м и р а У л ь я н о в а они дружно переступили, и он остался умирать в одиночестве. Но Л е н и н повел их дальше. И каждый из них старался сделать его только своим достоянием. Они колотили друг друга по головам его высказываниями. Они развешили в своих кабинетах его портреты. Они построили мавзолей и положили там для всеобщего обозрения его мумию. Они сделали его и его деяния одной из основных тем соцреализма. Одареннейший тактик и политический интриган, блестящий демагог-агитатор, удачливый диверсант и колонизатор в родной стране, но заурядный и непоследовательный в конце жизни диктатор, он воскрес в их легенде лишенным слабостей. Возник прочный положительный штамп — "ленинский стиль руководства". Им одинаково широко оперировали и оперируют и Сталин, и его противники, и Хрущев, и Брежнев, и Горбачев, и, главное, все прокоммунистические оппозиции против ленин-

ской партократии, вплоть до нынешних легализованных "перестройкой" либеральных советских интеллектуалов.

Только тотальная нечитаемость литературы такого рода, как сочинения Ленина или стенограммы партийных съездов, не позволяет ни одной из сторон и по сей день почувствовать убийственную ироничность этого штампа.

Победил Ленин в непрестанной борьбе всей своей жизни или потерпел поражение?

Ответ на этот вопрос мог бы дать только сам Ленин. Все зависит здесь от того, каков был истинный, глубокий, интимный стимул его действий, самых жестоких или нелепых.

О Ленине, сколько ни вчитывайся в его сочинения, не скажешь с уверенностью (как можно сказать о его преемнике), что ему было решительно наплевать на все, кроме личной власти и сохранения партократии. Если бы последнее было верно, то это значило бы, что, несмотря на финал его жизни, который, по личному его ощущению, был, конечно, трагичен, Ленин одержал одну из грандиознейших политических побед в истории. Но если для него — в самом последнем и личном счете — не утратили смысла исходные побуждения его молодости, если он и в самом деле надеялся как-то, когда-то, в расплывчатом и неопределенном "далеко", осчастливить человечество, то он потерпел величайшее и непоправимое поражение.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
1. У постели учителя	5
2. Поди туда — не знаю куда, принеси то, не знаю что.	27
3. Поступь утопии	38
4. Утопия у власти	61
5. Его этика	74
6. Бессилие победителя	118

”ЧТО НУЖНО ЗНАТЬ О...”

Цель настоящей серии – осветить на научном уровне, но в краткой и общедоступной форме, основные проблемы современной русской истории.

Вышли из печати:

1. *А. БЕНИГСЕН – Мусульмане в СССР.*
2. *Эдмон ТЭРИ – Россия в 1914 г. (Экономический обзор).*